

ЮРИЙ НИКИТИН

ЧЕЛОВЕК, ИЗМЕНИВШИЙ МИР

Юрий Никитин

**Человек, изменивший
мир (сборник)**

«ЭКСМО»

Никитин Ю. А.

Человек, изменивший мир (сборник) / Ю. А. Никитин —
«Эксмо»,

ISBN 978-5-699-22164-6

Юрий Никитин – один из самых талантливых российских писателей-фантастов. Его наиболее известные книги погружают нас в сказочный мир отдаленного прошлого, как «Трое из Леса», или посвящены животрепещущим проблемам современности, как «Великий маг». На этот раз он предлагает читателю перенестись в будущее, побывать на далеких мирах, пройти по звездным дорогам и посетить Планету Красивых Закатов.

ISBN 978-5-699-22164-6

© Никитин Ю. А.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	5
ДОРОГИ ЗВЕЗДНЫЕ	10
Дороги звездные	10
Бесконечная дорога	37
Здесь все проще и легче	43
Слишком просто	48
След человека	53
Грозная планета	56
У нас есть шанс...	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юрий Никитин

Человек, изменивший мир (Сборник)

Предисловие

Когда этот сборник рассказов впервые переиздавался уже после перестройки, я снабдил его предисловием. Ну, тогда это было необходимо. Может быть, необходимо даже сейчас, ибо вещи, созданные в годы Советской власти, могут смотреться сейчас несколько странно.

Сейчас же, при очередном переиздании, считаю необходимым предупредить, что даже то первое предисловие было написано вскоре после начала перестройки. По горячему и весьма горячо, как и сгоряча. Но я за свой базар отвечаю, потому не отменяю ни одного слова.

Искренне

Юрий Никитин

Мир сейчас иной, везде компьютеры, видео, ультратехника... вроде бы, зачем переиздавать сборник фантастики 1973 года? Что тогда могли понимать? Даже поэзия устаревает, а фантастика вовсе на год-два, а потом новые идеи, новые цели...

Это не совсем так.

Прогресс – это не новое, а лучшее. Оно может быть и суперновым, и взятым из позапрошлых веков, как луки для десантников, или нынешнее траволечение по рецептам наших бабушек. Как ни обидно признавать, но «Аэлита» намного ярче, чем большая часть современных рассказов о космосе, а «Гиперболоид» интереснее занудных рассуждений о проблемах таланта.

Если получится с этим сборником, то тем более стоит поискать в навозной куче советской фантастики жемчужные зерна. Составить из них коллективные сборники «золотого века». Если не получится, то что ж... если Никитин тогда писал слабо, это не значит, что так же вяло писали и другие!

Итак, только что рухнул железный занавес сталинщины, когда фантазировать разрешалось лишь в пределах пятилетнего плана, запущены первые спутники, косяком пошли браваурные рассказы о покорителях космоса. Пошло соревнование фантастов, кто решится забросить космонавтов дальше, глубже, на дальнюю планету, на далекую звезду, в другую Галактику, в соседнюю вселенную, в антимир...!

Далее фантастика, как всякая могучая сила, разделилась на две ветви, которые повели борьбу одна с другой. (Как в христианстве католицизм с православием, в исламе – сунниты с шиитами и т. д.)

У нас же шла борьба между фантастикой научной (сюда входила и сказочная, но с обязательностью новых идей, сюжетов или хотя бы героев) и фантастикой «как метод». К несчастью, победила фантастика «как метод», что низвело ее к одному-единственному приему в литературе. Зато, как говорили, оправдываясь, ее апологеты, к настоящей литературе, а не какой-нибудь там хвантастике...

Я, сам того не зная, принадлежал к просто фантастике, или же научной, так как для меня обязательностью было придумать новые идеи, сюжеты, стараться делать что-либо ошеломляющее, чего никто не делал, придумывать новые гипотезы гибели динозавров... вообще, обязательно что-то новое.

Работая днем литейщиком в литейном цехе, вечерами я готовил первый сборник, одновременно публикуясь по всему Союзу. Еще с первого шага я сразу же определил для себя ряд ограничений (а ограничения и есть ограничения), которые переступать не должен. К примеру, никогда и ни при каких обстоятельствах не переносить действие в капстраны, не давать своим героям иностранных имен.

Позиция редактора (он же и цензура) была проста: фантастика – это о будущем. В будущем неизбежен коммунизм. При коммунизме все чистые, умытые, идеальные. Потому, если изображаешь героя хотя бы с прыщом, то имя надо давать американское. Или любое из капмира. У них там любая гадость возможна. И преступность, и болезни, и недостатки. Так и получалось, что иные фантасты (я не говорю о них плохо!) для лучшей проходимости своих вещей шли на такой компромисс. Жаль только, что компромисс шел за счет других авторов, которые на него не шли. А читатели получали то, что проходило, а не то, что сильнее. И слышали имена тех, кто умел смириться, а также тех, кто приходил с рекомендацией из ЦК.

Да не в квасном патриотизме дело, как обвиняют литературоведы в штатском, а в том отношении, до понимания которого они просто не доросли: чувства собственного достоинства. Представьте нелепейшую ситуацию, в которой жили все годы (да и живем): американский фантаст пишет о том, как некий изобретатель по имени Джон Смит что-то изобрел, его преследуют и пр. Но советский фантаст, а теперь и российский, зная Америку только по нашей самой правдивой в мире прессе, тоже пишет роман о бедном американском изобретателе Джоне Смите, которого преследуют и т. д. Затем при культурном обмене американец нам предлагает свой американский роман. А мы ему... что? Русский... о Джоне Смите?.. И даже не краснеем?

Та же ситуация и в фэнтези, когда пишут о драконах, принцессах, магах, троллях и феях. Писать о них – это сразу признать себя гражданином второго сорта.

Это обостренное чувство собственного достоинства может принимать странные для нормального человека формы. К примеру, когда эти рассказы я заново набирал на компьютере, приятель, заглядывая через плечо, не мог понять, почему Windows и Word на английском, хотя уже есть русские версии. А я не могу объяснить, что принять русифицированную программу – это признать себя гражданином второго сорта. Который получает адаптированные для его убогого умишка версии, получает намного позже тех, кто владеет языком... Для меня достойнее выучить язык, чтобы разговаривать на равных. Хоть и труднее.

Так же достойнее писать русскую фантастику (как американцу американскую, японцу японскую...), хотя и труднее, и голоднее. Однако это было время, когда писать можно было только под Бредбери. Здесь странным образом совпали вкусы ЦК КПСС и вкусы закомплексованных полуинтеллигентов, которые больше всего на свете боятся показаться недостаточно интеллектуально развитыми. Журналы и сборники были заполнены бездарными подражаниями. Рассказы и романы косяком шли «под Бредбери»... И как свежий глоток воздуха показалась мне присланная из Днепропетровска (где-то в середине 70-х) первая рукопись начинающего автора, который осмелился не подражать Бредбери, а, скорее наоборот, воспел техническую мощь сильных и незакомплексованных людей. Я дал самую высокую оценку, рекомендовал выпустить обязательно и как можно большим тиражом. А так как я тогда был уже старым, толстым и маститым мэтром, лауреатом и на вершине славы, то рукопись была принята, вышла под названием «Непредвиденные встречи», после чего молодой автор, Василий Головачев, стройный и с пышной шевелюрой, привез ко мне в Харьков эту первую книгу с надписью как первому рецензенту, с которого началась его литжизнь...

Где теперь те, кто поспешно писал «под Бредбери», страшась, что конъюнктура изменится? А Головачеву сейчас простор, ибо с первой же вещи никому не подражал. Гамбургский счет ему не страшен. Даже на руку. (Правда, у них есть свой довод: зато мы успели нахватать шикарные квартиры от Союза писателей, элитные дачи в Переделкино, ездили за счет Литфонда по всем границам... а что ты имеешь в свои далеко за 60?)

Были и другие мелкие ограничения, которые я старался не переступать. К примеру, не использовать роботов (если не считать юморесок в самом начале, но там было для смеха), машину времени. Если я не верил, что ее можно создать, то и не писал, ибо искренне полагал, что писать нужно либо только научную фантастику, либо сказочную, но в каждом из поджанров должны быть свои строгие законы и запреты. Например, я не позволял и не позволю себе свалить в кучу роботов, динозавров и бабу-ягу. Это профессионала недостойно.

Я работал в литейном цехе, когда собрал рукопись и послал в Москву в «Молодую гвардию». Там опубликовали в 1973 г. в серии «Библиотека сов. фантастики» («Человек, изменивший мир», 100 тыс. экз.). Этот сборник лихо разгромил в «Литературной газете» один из литературоведов в штатском, не стану называть его фамилию, я ж не злопамятный, просто я злой и память у меня хорошая. Я помню, как они в центральной прессе восхваляли такое, что сейчас произнести вслух было бы стыдно... Понятно, не станет же критик задевать космонавтов, которые после единственного полета сразу становились художниками, писателями, не станет задевать знатных доярок и – упаси господи! – приятелей редактора, которые один за другим печатали свои опусы. А тем более самих редакторов.

За что люблю это настоящее время, так за возможность гамбургского счета. Какие имена тогда гремели в той же фантастике, чьи книги выходили хоть в патриотических, хоть в западных издательствах! Конечно же, редакторов, затем – знатных космонавтов (любители фантастики могут просмотреть хотя бы серию «Библиотека сов. фантастики»), каких-то странных личностей, чьи книги к фантастике имели отношение отдаленное, но в прессе их расхваливали взалех эти литературоведы в штатском. Где они сейчас? Пусть сейчас выйдут со своими книгами! Конечно, и сейчас можно за наворованные ими деньги организовать мощную рекламу, напечатать ряд хвалебных статей... но читателя не обманешь. Вернее, обманешь раз-другой, но дальше он запомнит имя, фирму... Все-таки теперь волен купить на лотке ту книгу, автору которой доверяет.

Помню, на мою первую книгу «Человек, изменивший мир» (Москва, Библиотека сов. фантастики, 1973 г.) некий литературовед в штатском откликнулся предостерегающей эпиграммой:

Мир изменить напрасно он пытался...
Эх, лучше б он литейщиком остался!

Я тогда работал в литейном цехе, и мне указали мое место на шестке, ибо литературное пространство было поделено между пишущими редакторами и обслуживающими их литературоведами. Где они теперь? Где те писатели, которых печатали огромными тиражами в патриотических и космополитических одинаково мощно лишь потому, что один распределял садовые кооперативы, другой был в комиссии по распределению квартир, третий – машин, четвертый заведовал путевками в Коктебель, Пицунду и прочими лакомыми местами...

Да, справедливость наконец-то восторжествовала, но все равно горько, ибо та дрянь так долго держала все места, захватывала все тиражи, и потому молодых литераторов так и не взросло. Почти не взросло. Побившись в стену, иной талант переходил на писание книг о производстве, а то и вовсе уходил из литературы. И сейчас, когда вдруг старая система рухнула, молодые фантасты начинают с нуля. А в литературе, как и в спорте, не бывает чудес, чтобы из новичка сразу прыгнуть в мастера! Тем более, в чемпионы.

Итак, я в Союзе писателей СССР с 1979 года. Но вот материал для Книги Гиннеса: за все годы меня никто не видел на трибуне выступающим (как и за столом с красной скатертью). Ни разу не был в Домах творчества ни в Коктебеле, ни в Переделкино, ни в Сочи, ни в Пицунде... Нигде. Не получал от Литфонда дачи, огорода, машины. Как в 1983-м, когда убежал с Украины от Кравчука (тогда он был не президентом вільной Украины, а серым кардиналом ЦК Ком-

партии Украины, уничтожившим тираж моей «Золотой шпаги») и поселился в коммунальной квартире в Москве (правда, на Тверской!), так и до сегодняшнего дня. И не надеюсь, что скоро что-то изменится.

За все годы той власти, с 1973-го по 1993-й, вышли... два сборника фантастики. За двадцать лет!!! Понятно же, что было написано гораздо больше, подавалось в издательства больше, но... выходили книги тех, кто охотнее шел на компромиссы, о которых уже упоминал. Так что сейчас я восстанавливаю не только романы, но и сборники рассказов тех лет. К примеру, «Человек, изменивший мир» дополняю тем, что выбросил редактор, цензор и прочие бдительные товарищи. Так же со сборником «Далекий светлый терем» и др., которые годами дожидались милости в издательствах, но в лучшем случае от них оставалось по рассказу для популярных в то время сборников «Фантастика», «На суше и на море»...

А теперь небольшой комментарий к самому сборнику. Я ведь понимаю, что еще тщательнее его будут читать те, кому даже этим предисловием наступаю на мозоли, потому сразу оговорю, чем сборник отличается от того, 1973-го.

Первое: возвращены рассказы, выброшенные редактором, то бишь работником из другого ведомства, бдительно следящим... Увы, не все. Многое потерялось за годы, а публикации по журналам, альманахам и газетам я не собирал. Но и того, что осталось, набралось достаточно. Всяк, доживший с тех лет, знает, что в редакцию подавалось рассказов с большим запасом, чтобы редактор мог отобрать для публикации по своему вкусу.

Второе: рассказы из второго сборника («Далекий светлый терем», М., МГ, Библиотека сов. фантастики, 1985 г. 100 тыс.), которые я предлагал в этот, но тогда не прошли, теперь возвращаю на место. Это прежде всего цикл рассказов о таежном охотнике Савелии, что написан под впечатлением скитаний по Уссурийской тайге в составе 29-й горно-таежной геологоразведательной экспедиции. Я там проработал с 1960-го по 1965-й, ходил по следам Дерсу Узала, искал золото, свинец и уран, охотился на медведей, зубряков и тигров и рассказы написал где-то в 65—67-м, но в первый сборник их не приняли (тогда мы опережали всех в космосе, надо было писать только о нем, да и как мог простой охотник общаться с инопланетянами, минуя инструктора КПСС?). Даже в «Далекий терем» пропихнуть удалось только четыре (это из двух дюжин!), остальные постепенно затерялись за годы переездов. Посему этих рассказов не будет в новом издании «Далекого светлого терема».

Из «Далекого терема» в этот перебрал и юношеские рассказы о трех космонавтах. В печать удалось попасть лишь в год перестройки. (Возражения были очень серьезные: как это, советские космонавты – и вдруг в космосе с оружием! Мы – самая мирная страна во вселенной!) Впрочем, большинство рассказов об этой троице вообще не увидело свет (а их было на сборник, так и обивал пороги с отдельной книгой!), при многочисленных переездах рассказы терялись, раздаривались друзьям, дабы не таскать тяжелые кипы бумаг, это не нынешнее время крохотных дискет, где помещаются романы! А собрать потерянные рассказы этой серии тяжело, хотя немалая часть опубликована в те далекие годы в таких газетах, как «Литературная Украина», местных альманахах, сборниках, газетах, порой таких дальних, как, скажем, «Комсомолец Татарики», где опубликовано несколько рассказов. У меня их, естественно, при моей безалаберности уже давно нет, даже не помню, какие в украинских журналах, сибирских, дальневосточных... Собрал бы кто-нибудь? Глядишь, еще на сборник набралось бы. А то и не один.

Третье: пришлось изменить несколько имен. В рассказе «Дороги звездные» главного героя зовут... Мрак. Через треть века, подбирая героев для троих из Леса, я одного назвал тоже Мраком, совершенно забыв, что однажды уже воспользовался этим придуманным именем. И вот сейчас стал перед дилеммой: оставить ли Мрака в сотысячном тираже или же в более скромном, нынешнем... Так что Мрак здесь стал Мрэкром.

Со вторым рассказом сложнее. Дело в том, что я, как уже говорил, никогда и ни за какие посулы не давал имен иностранных, никогда не переносил действие в другие страны и даже не

давал имен искусственных. Из-за такой позиции редкому рассказику удавалось проскользнуть в печать, вперед прорывались, отпихивая локтями, пухлые романы и сотни рассказов о странах капитала, где бедные негры бродят по помойкам, поджигатели войны затевают войну с СССР, несчастные изобретатели либо вешаются, либо топятя... .

И вот в харьковском издательстве «Прапор» готовился коллективный сборник из трех авторов («Меридианы», 1973 г.). Я куда-то уехал надолго, а редактор, не смея пропустить рассказ «Муравьи» с теми же русскими именами, но зная, что я лучше откажусь от публикации, чем изменю имена на западные, самовольно решил изменить их на искусственные. Наталина сделал Натом, Чонова – Чоном, а женщину с именем Элина – Эрой... . Когда я пришел в редакцию, сборник уже вывозили из типографии.

Если сейчас «Дороги звездные» лишь о дальних мирах, то в те годы книга была ценна как раз тем, чего нынешнее поколение, не имеющее привычки читать между строк, просто не заметит. Как же, против культа вождя! Против единой линии партии! Требование согласия общества!

По той же причине во всех «братских странах социализма» был многократно переведен и переиздан рассказ «Фонарь Диогена», ибо в нем требовалось уважать чужое мнение и провозглашалось равноправное существование чужих мнений! И это в самом начале борьбы с инакомыслием!!!

«Безопасность вторжения» был отвергнут, ибо в будущем все государства будут коммунистическими (как же – Великое Кольцо коммунистических галактик Ефремова!), войн быть не может в принципе... . Ну, а идею информационных войн, швыряние философскими бомбами и прочим подобным оружием редакторы и литературоведы в штатском, обычно отставные работники партийных и комсомольских аппаратов, просто понять не могли по своему уровню.

Вот вроде бы все...

Приятного чтения!

Юрий Никитин

ДОРОГИ ЗВЕЗДНЫЕ

Дороги звездные

Теплая вода кончилась. Дальше она становилась холодной и черной. На поверхности повсюду лежали огромные зазубренные листья мясистых водяных растений, прогалины попадались реже. Темная вода в тех местах часто вскипала серебристыми бульбашками и фонтанчиками – это к поверхности стремительно поднимались пузырьки болотных газов.

Мрэкр плыл быстро. Его сильные лапы и упругий хвост уверенно загребали черную воду, а плавающие листья он подминал под себя, если впереди не зиял просвет.

Шел теплый дождь. Стена падающей воды закрывала видимость, плотные зеленые тучи висели над самой головой, но Мрэкр был уверен, что найдет дорогу, даже если придется все время пробиваться через скользкие заросли водяных растений или выпутываться из придонной паутины зеленух.

В одном месте вода и земля смешались в зеленое пузырящееся месиво из липкой грязи и стеблей квазирастений. Последние сразу же почуяли приближение Мрэкра и хищно потянули навстречу клейкие псевдоподии. От призывно распутившихся на кончиках белых цветов покатился густой сладкий запах.

Мрэкр круто повернул в сторону. Теперь он знал, куда плыть. Черная вода болота вскоре должна перейти в родную теплую жижу коричневой грязи.

Он энергично заработал хвостом и вскоре подплыл к маленькому островку. Совсем недавно это была внушительная гора грязи, но постоянный, никогда не прекращающийся дождь размывал последний кусочек твердой земли.

Мрэкр вылез на островок. Дождь забарабанил по голове, и он с наслаждением подставил ему спину. Пусть смывает грязь и мелкие водоросли. Некоторые наверняка успели вцепиться в складки кожи и трещины панциря. Если не снять вовремя, приживутся, а тогда жди беды.

Лапы медленно погружались в грязь. На островке пахло гнилью, видимо, разлагались болотные растения. Все как обычно, но в то же время в окружающем мире что-то изменилось. Может быть, чуть посвежел воздух или поредели тучи, но что-то произошло...

Мрэкр ощутил тревогу. А что, если дождям придет конец? Это пугало своей необычностью. Насколько он помнил, дожди были всегда и не могли прекратиться. Иначе... Да, иначе гибель. Всему племени. Так говорили старики, а они знают все.

Он глубоко вздохнул, потом еще и еще, чтобы отогнать подступающую тоску. Но воздух был чересчур влажным и теплым, легкие сразу залепило мокрым, он закашлялся и чуть не свалился в теплую смесь воды и растений.

И все-таки здесь он мог отдохнуть. Потому и решил удалиться от племени, чтобы стряхнуть страшное напряжение, расслабить мощное тело, сложить на спине желтый гребень, заново посмотреть на свои короткие лапы и длинные когти. И если бы не грядущие непонятные перемены...

Вдруг за стеной дождя зачавкала грязь. Что-то грузное и неповоротливое пробиралось по болоту. Мрэкр насторожился. Неприятностями в его положении грозило абсолютно все...

Вода у островка пошла кругами. В следующее мгновение теплая жижа разошлась, в образовавшемся просвете появилась голова толстого рекна. Это был Жаб. Он коротко взглянул на Мрэкра, потом его внимание привлекли сочные листья плавающих растений.

Мрэкр смотрел на жующего соплеменника и чувствовал бессильную ненависть. С появлением Жаба у него всегда начинаются неприятности...

– Чистая вода, – сказал Жаб с осуждением. Он уже управился с ближайшим стеблем и нашел время посмотреть на Мрэкра с укором. – Чистая вода! Как ты ее терпишь?

«Ничего себе чистая», – подумал Мрэкр, но промолчал.

– Урочный час близок, – возвестил вдруг Жаб ни с того ни с сего.

– Да-да, – сказал Мрэкр поспешно.

– Ты готов? – спросил Жаб.

– Да, конечно, – ответил Мрэкр. Он даже не пытался сообразить, что такое «урочный час» и к чему он должен быть готов. Придет время, все встанет на свои места.

– Это хорошо, что ты готов, – сказал Жаб удовлетворенно. – Тебе нас вести.

Мрэкр вздрогнул, словно его ударили по голове. Ему вести? Куда? Зачем? До сего времени он старался держаться в племени как можно незаметнее...

– Тебе вести, – повторил Жаб. – Ты всегда становился вождем на время переходов в Лоно. И никто не мог это сделать лучше... А ты здоров, Мрэкр? После болезни ты стал очень странным... Тебя трудно узнать, Мрэкр. И у тебя совсем малое накопление...

Жаб с трудом изогнул жирную шею, чтобы полюбоваться своим хвостом. Тот был втрое больше нормального. Мясо и жир распирали кожу, роговые пластинки разошлись, и было видно розовое тело.

Мрэкр покосился на свой тощий хвост. Накопление?

– Я еще накоплю, – сказал он поспешно.

– Не успеешь, – сказал Жаб. Он все смотрел на хвост Мрэкра, потом вдруг сказал: – А тебе и ненужно большое накопление. Вести нас... Тебе нужны крепкие лапы. Так ты здоров, Мрэкр? А в дороге ты не заболеешь?

...Он внезапно подскочил ближе и выдернул у него из-под лапы бурый маслянистый стебель с жирной луковицей.

– Это же квакка! – сказал он торжественно. – Как ты мог не заметить? Это же квакка!

Он с хрустом раскусил луковицу. Мрэкр ощутил тошнотворный запах гнили. Жаб сопел и чавкал, потом, доев стебель, огляделся по сторонам. – Все? Ладно, и это хорошо. В этой мерзкой чистой воде...

Мрэкр тоже огляделся. Он встречал такие стебли и раньше. Теперь же необходимо запомнить: съедобны.

– Готовься! – крикнул Жаб.

Он шлепнул по воде желтым хвостом и нырнул. Мрэкр поднял голову. Тучи явно поднялись выше. Во всяком случае, не висят над самой головой. И дождь будто бы стал немного слабее... Сезонная миграция?

В стороне качнулся мясистый лист на воде и показалось рылыще. Мрэкр насторожился. Квакки всегда рылись в придонном иле и на дне.

Он огляделся. Над водой торчало еще несколько мордочек. Уже в этом ощущались перемены... К добру или к худу? Правда, ему в любом случае потребуется максимально напрячь силы. Тем более, что предстоит вести...

Он с отвращением потрогал квакка. До чего же омерзительные создания, а есть надо...

Он перевел взгляд на щепочку, что колыхалась в воде перед самой мордой. Вот щепочка. Интересная щепочка. Будем смотреть на эту щепочку, а следующего квакка тем временем в рот...

Он повернулся в воде, и волна перевернула щепочку. В следующее мгновение он проглотил остатки квакка, даже не сделав обязательного усилия.

Щепочка в самом деле была странная. На ней темнел узор! Но черви-древоточцы здесь были ни при чем...

Мрэкр ощутил, как сердце забилося сильнее. Рептилии никогда ничего не вырезали и не выцарапывали!

Что-то сильное и хищное схватило его за ноги. Мрэкр почувствовал прикосновение острых зубов. Он рванулся в панике, выскочил на островок и, обернувшись, приготовился к схватке с неведомым.

Из воды высунулась ухмыляющаяся пасть. Мрэкр почувствовал несказанное облегчение. Это было единственное существо, с которым он хоть немного позволял себе расслабить нервы.

– Ну и трус же ты, – заявила Юна, выползая на берег. – И почему только все считают тебя самым сильным и неустрашимым? Я бы не испугалась вот ни столечки!

У нее была упругая и свежая кожа, хотя ела она еще меньше Мрэкра. Просто она втрое моложе его и еще ничего не видела, кроме Большого Болота.

– Ты знаешь, что это? – спросил он Юну, показав на щепочку.

Она определенно видела эту вещь впервые. Можно было и не спрашивать. Но как заинтересованно вертела Юна щепочку! Жаб отшвырнул бы любую незнакомую вещь равнодушно. Или даже с испугом и отвращением. Все новое и необычное кажется ему враждебным.

– Я не знаю, что это, – медленно сказала Юна, – но могу сказать, откуда оно взялось.

Мрэкр жадно повернулся к ней.

– Говори!

– Вода здесь берется из Верхних Озер. И это приплыло оттуда...

Мрэкр перевел дыхание. Все-таки это лучше, чем ничего. Из Верхних Озер. Значит, есть еще и Верхние Озера. И вполне возможно, что деревяшка с резьбой приплыла и в самом деле оттуда. Она сказала «Озер», а не «Болот». Значит, суши там больше. Вероятно, те, кто делает эти резные украшения, живут там, на суше. Ничего себе умозаключения!

– Ты знаешь дорогу к Верхним Озерам?

– Ты хочешь пойти туда? – ответила она вопросом на вопрос.

Она ничему не удивлялась. Какое это великое достоинство в его положении! Беда только, что она знает ненамного больше его.

– Да, – ответил он, – я хотел бы побывать там.

– Туда можно плыть только по реке. А вода там холодная и прозрачная. Не поплывешь же ты в прозрачной воде!

А почему бы и нет, хотел было ответить Мрэкр, но вовремя прикусил язык. Может быть, плавание в прозрачной воде смертельно опасно. Или на это наложено табу.

Возле берега пошла кругами вода и появился Жаб.

– Вот вы где, – проскрипел он.

Мрэкр почувствовал к нему ненависть. Опять начнутся неприятности!

– Старики ждут тебя, – заявил Жаб.

– Зачем?

– Пора возвращаться в Лоно. Мы хотим знать, какой дорогой ты поведешь нас?

Мрэкру пришлось сдерживаться, чтобы не хлестнуть его по ухмыляющейся физиономии. Собственно, рептилии никогда не ухмылялись, строение челюстей не позволило бы им эту роскошь, но Мрэкр ясно представил себе самодовольную ухмылку на жирной роже.

На этот раз не выкрутиться. Повести стаю? Но в какую сторону? И что это за Лоно?

– Пошли, – напомнил Жаб. – Нас ждут.

– Пойдем, – сказал Мрэкр Юне.

Он плюхнулся в гнилую воду.

– Куда ты? – крикнул Жаб вдогонку. В его бесстрастном голосе слышалось удивление.

– Ты ведь сказал... – заговорил Мрэкр и понял, что уже совершил какую-то ошибку.

Сердце болезненно сжалось, и мышцы напряглись. – Ну что еще?

– Старики ждут тебя в Холодной Воде, – сказал Жаб. Он пристально, слишком пристально смотрел на него.

– Ах да, я и забыл, – сказал Мрэкр. Он начал медленно вылезать, стряхивая грязь с лап, потряс хвостом, пытаясь сбросить налипшие водоросли. Он понимал, что делает одну ошибку за другой. Грязь и водоросли никогда не казались рептилиям неприятными, как и постоянный дождь, который никогда не прекращался и не ослабевал. Но куда идти, где эти Холодные Воды? Насколько он помнил, всюду эта теплая мерзкая жижа болота!

Он вылез на берег с расчетом, чтобы Жаб заслонял дорогу, тогда ему придется идти впереди. Но Жаб уступил дорогу и смотрел выжидающе.

– Пошли, – сказал Мрэкр.

– Пошли, – отозвался Жаб.

– Ну, пошли? – спросил Мрэкр.

– Пошли, – согласился Жаб.

Глухая тревога начала перерастать у Мрэкра в отчаяние. Не может же он признаться, что не знает дорогу в Холодные Воды? Судя по всему, он бывал там не раз...

И снова его выручила Юна. Ей надоело топтание на месте, она плюхнулась в воду и поплыла в противоположную сторону от Большого Болота. Мрэкр с невероятным облегчением ринулся за ней. Его переполняла горячая благодарность к этому существу, которое последнее время постоянно вертелось возле него и нередко выручало из критических положений.

Он догнал ее и поплыл рядом, чутко реагируя на малейшие изменения направления. Со стороны показалось бы, что это именно он ведет их, на самом же деле Мрэкр ловил предстоящие повороты по движениям Юны и на какое-то мгновение опережал ее. Это требовало постоянного внимания и отвлекало его от мыслей о предстоящем сборе стариков.

Стая собралась на большом острове. Может, это был не остров, ибо Болото обступало его только с двух сторон, а дальше простиралась суша, если только можно назвать сушей чавкающую грязь.

И все-таки эта вода не шла ни в какое сравнение с болотом, и Мрэкр даже почувствовал некоторое облегчение. Почему бы им не переселиться в эти места, подумал было, но тут же одернул себя. Нет более пагубного, чем переносить в чужие миры земные штампы.

По тому, как замолчали при его появлении, Мрэкр понял, что говорили о нем. Острая тревога сжала сердце. Чутье подсказывало, что из этого положения не выкрутиться. Это конец. Он еще раз посмотрел на их зубастые пасти и внутренне содрогнулся. Да, это конец.

Теперь он находился в самом центре стаи. Позади появилось с десятков рекнов. В случае провала отступать некуда, да он и не имел права отступать.

– Пора идти, Мрэкр, – сказал вожак стаи Геб. Кожа у него была почти белая и кое-где поросла мохом. Это выделяло его из стаи и вызывало уважение у молодняка.

– Мне кажется, что можно еще подождать, – ответил Мрэкр. Его мозг лихорадочно фиксировал все движения, повороты голов, расположение когтистых лап. Тут не повторишь фокус, что прошел с Жабом и Юной. На этот раз ему придется в самом деле вести стаю. Но куда? И зачем? Хотя последнее неважно. Раз идут, значит, так нужно. Но вот куда?

– Мы и так задерживаемся, – крикнул Жаб.

– Немного можно задержаться, – неуверенно подал голос небольшой тонкий рекн по кличке Тэт. Мрэкр было с надеждой посмотрел на него, но тут же понял, что надеяться нечего. Тэт не пользовался уважением соплеменников. У него были слишком слабые мышцы и худой хвост.

– Можно задержаться, – повторил Мрэкр с отчаянием. У него теплилась надежда узнать, что же представляет из себя Лоно. Раньше о нем не говорили.

– Все уже готовы, – упрямо проскрежетал Геб. – Ты очень странный, Мрэкр. Выступим сегодня. Сейчас.

– Какой дорогой ты поведешь нас? – спросил большой Мум. – Только не через Холодное Плато. Там и поесть нечего.

– Есть нужно сейчас, – сварливо сказал Жаб.

В ответ прогремел страшный рев. Из плотной стены белесого тумана прыгнул Зверь. Из-под мощных лап брызнула грязь и слизь раздавленных квазирастений. Зверь был ростом с быка, но вдвое тяжелее. Он повел страшной пастью, выбирая добычу. По его прочному костяному панцирю скатывались струйки дождя. Немигающие глаза смотрели со свирепой жадностью.

Мрэкр успел увидеть побелевшие от ужаса глаза Геба. В следующее мгновение вождь стаи рухнул в грязь, пытаясь вжаться поглубже. Остальные кинулись в воду, кое-кто юркнул под большие листья зеленухи.

Мрэкр убежать не успел. Его реакции запаздывали. И, кроме того, за спиной оказалась Юна. Вместо того чтобы бежать, она прижималась к нему и мелко дрожала.

Зверь остановил взгляд на них. Он уже подобрал для прыжка лапы, зеленые от раздавленных растений.

И вдруг Мрэкр ощутил волну нарастающей ярости. Да, Зверь страшен! Весь в костяном панцире, толстые лапы, мощный хвост, длинные зубы, а весит больше двадцати рекнов. И прыгает легче ящерицы. Но как бы ни был он страшен, силами стаи можно победить. А так он каждый день вырывает из стаи по нескольку рекнов. И никто не решается дать отпор. А справиться можно. Вот у него какая тонкая шея, а при повороте головы костяные пластинки расходятся.

Зверь прыгнул. Юна от страха закрыла глаза, в тот же момент Мрэкр сшиб ее в воду, а сам прыгнул в сторону. Зверь рухнул точно на то место, где они стояли. Мрэкру показалось, что во всей позе чудовища можно было прочесть огромное изумление. Такого с ним еще не случилось. И с его предками тоже.

Он повернул голову, в то же время Мрэкр вспрыгнул ему на спину и вонзил зубы между костяными пластинками на шее. Зверь судорожно дернулся. Он мог бы избавиться от противника, бросившись на землю и перевернувшись так, что Мрэкр был бы просто раздавлен. Но на Зверя настолько давно никто не нападал, что он застыл в растерянности и страхе.

Мрэкр уже не был рекном. Так сражаться с лютым зверем, сражаться без оглядки и мыслей об отступлении, сражаться до последнего, закрывая собой слабых, мог только потомок гордых и сильных повелителей железа и огня.

Зверь повернулся вокруг своей оси, он явно слабел от потери крови, взревел последний раз – протяжно и страшно – и рухнул. Теперь это была гора мяса и костей, лакомый кусочек для мелкого зверя. Но только не для рекнов. Эти сонные и вялые существа не ели мяса.

Мрэкр слез со Зверя и прислонился к его туше. Ноги не держали. Подбежала Юна, но после пережитого напряжения не хотелось ни говорить, ни двигаться.

Первым зашевелился и приподнялся Геб. Увидев поверженного гиганта, он так быстро опустил голову, что Мрэкр ясно услышал стук ударившихся о землю челюстей. Потом зашевелились другие. Со страхом и опаской они стали приближаться. На этот раз со страхом смотрели и на Мрэкра.

Ничего, голубчики, подумал Мрэкр, привыкайте. И тут же спохватился: не слишком ли это неестественно?

Правда, эти тюлени совсем разучились самостоятельно мыслить. А вот ему нужно воспользоваться передышкой.

– Выступим завтра, – хрипло сказал он.

– Но... – начал нерешительно Геб, но Мрэкр прервал его:

– Завтра!

«Очевидно, сезонная миграция, – подумал он. – До завтра можно что-нибудь придумать. А пока стоит убраться подальше от вопросов. Я сейчас не сумею ответить даже на простейшие».

Он разбежался и прыгнул в воду. Получилось очень неуклюже, он вдобавок ударился животом, что еще больше озадачило стаю. Рекны никогда в воду не прыгали. Они вообще не умели прыгать.

Мрэкр вспомнил все это, когда погружался в глубину, но теперь ему наплевать на мелкие промахи. Победителю ужасного Зверя простится многое. Он и должен быть необычным. Сейчас его снова мучил вопрос: что такое Лоне и какой дорогой туда идти? Угрозило же его быть вожаком стаи! Хотя все правильно. Ведь в программе было: самый сильный, самый приспособленный...

Он поднялся на поверхность. Под водой не поразговариваешь, но и думать тоже трудно. Все-таки жабры хуже снабжают мозг кровью, чем легкие. Если бы этот непрекращающийся дождь стих...

И дождь в самом деле стал слабее. Надвигались неясные перемены и нужно было срочно вырабатывать план будущего поведения.

В тумане что-то зачавкало. Его мышцы непроизвольно напряглись. Среди зарослей бурых водорослей скользила смутная тень. Через мгновение она скрылась в тумане. Послышался плеск, бульканье, и все затихло. Но для Мрэкра этого было достаточно. Он узнал Юну!

На раздумья не оставалось времени. Он скользнул в воду и торопливо поплыл следом. Это был последний шанс. Возможно, она хоть немного знает об этом Лоне. Тогда можно будет завести разговор и, словно невзначай, выведать все, что хранится в ее голове.

И вдруг всплыла мысль, от которой он едва не пошел ко дну. Юна принадлежала к последнему поколению и ничего не знала об этом Лоне! Она там никогда не была. Другое дело Жаб или Мум. Те бывали там по несколько раз, а престарелый Геб потерял и счет.

Положение было отчаянным. Он даже не пытался догнать Юну, а чисто механически двигал лапами и загребал хвостом. Силуэт Юны несколько раз появлялся и исчезал в тумане, она скользила легко и стремительно. Мрэкру стоило немалых усилий, чтобы не отставать. Постепенно он заинтересовался. Куда она плывет и почему не дала знать ему? Последнее время Юна не отходила от него ни на шаг. Вдобавок она направилась в сторону какого-то мифического Остановления, куда никто из стаи не ходил. Геб и другие старики вспоминали об этом месте почему-то с нескрываемым отвращением.

Вдруг он с разгона налетел на что-то твердое. Кувырок, который он проделал, мог бы изумить любого, знающего возможности рептилий. Из болота торчал полусгнивший обломок доски, а на нем выделялся четкий узор! Мрэкр жадно пожирал глазами творение мысли. С

тоской и горечью странно переплеталось ликование. Только бы найти этих резчиков! Только бы найти. Но что сделаешь в этом проклятом тумане, который вдобавок и все звуки глушит?

Такая находка могла ошеломить и флегматичного Макивчука. Можно ли было уходить в это Лоно, не доискавшись истины? А срок до предела жесткий. Завтра выступать.

Он медленно плыл по предполагаемому следу Юны, по дороге обнаружил еще одну подозрительную щепочку. Это укрепило его решимость. Во что бы то ни стало доискаться разгадки!

И тут он услышал хриплые голоса. Говорившие были заняты перебранкой и не заметили его приближения. По выкрикам Мрэкр понял, что поблизости собралось не меньше двух десятков рекнов. Было от чего удвоить осторожность.

Ему удалось почти вплотную подобраться к хилому рекну, который говорил и волновался больше всех. К немалому удивлению, Мрэкр узнал в нем Тэта.

– Мы должны остаться! – пищал Тэт. – Установление меняется и мы должны задержать стаю. Молодняк еще ничего не видел, кроме Болота. Так пусть же увидит. Пусть старики не решают за них.

Вдруг Мрэкр увидел возбужденных рекнов. В основном здесь собралась молодежь!

– Мы не должны противиться Неизбежному, – сказал кто-то из тумана. Мрэкр определил по голосу, что говоривший был уже не молод. Он, наверное, видел и Лоно, и Неизбежное.

– Нам может помочь Мрэкр, – вдруг прозвенел где-то близко от Мрэкра удивительно знакомый голос.

– Мрэкр видел и Лоно, и Неизбежное, – слышался угрюмый голос. – И он выбрал Лоно.

– Да, он видел, – подтвердили остальные.

– Он должен стремиться в свое Лоно, – сказал угрюмый.

– Но почему он тогда задержал стаю? – крикнула Юна. Теперь Мрэкр не сомневался, что звонкий голос принадлежит ей.

– Мрэкр поступил странно, – сказал кто-то.

– Если немного задержаться, – сказал угрюмый, – то наступит Неизбежное. Не понимаю, почему Мрэкр тянет с выступлением.

– Ушли бы без него, – сказал Тэт, – если бы не Зверь...

– Зверь! – прокатился разноголосый говор. Все заново пережили жестокую схватку.

– Мрэкр очень силен, – сказал кто-то из тумана.

– Никто и никогда не побеждал Зверя, – поддержали его голоса.

– Это подвиг даже для Мрэкра, – сказал Тэт. – Он раньше никогда не помышлял о сопротивлении. Это немыслимо для рекна.

– Если бы не Мрэкр...

– Зверь едва не схватил Юну!

– Верно, – сказал угрюмый. – Но не восхищайтесь этой слепой силой. Сила без разума чудовищна.

Мрэкр ощутил, как радостно забилося сердце. Таких слов он ни разу не слышал с той поры, как очнулся в зловонной жиже и забился в судорогах.

Он хотел приблизиться еще, но побоялся выдать себя.

– И все-таки на Мрэкра можно рассчитывать, – упрямо сказала Юна.

– Ни в коем случае! – возразил угрюмый.

– Разве плохо будет, если Мрэкр задержит хоть часть стаи, которая находится под его влиянием?

– Он сам, наверное, находится под твоим влиянием, – сказал кто-то.

– Поэтому и не хочет вести стаю, – добавил Тэт.

– Он ни о чем не догадывается, – живо возразила Юна, – если бы он знал, как я хочу остаться...

– А ты скажи! – предложил Тэт.

– И скажу!

– А что, если ты в самом деле ему скажешь? – предложил угрюмый. – Тебя он не тронет.

– Я и в самом деле ему скажу, – упрямо сказала Юна.

Мрэкр выдвинулся вперед и оказался лицом к лицу с Тэтом. Тот так и замер с раскрытой пастью. Мрэкр изогнулся и воинственно поднял гребень, хотя нападения не особенно опасался. Молодняк не отличался храбростью.

– Чем вам не понравилось Лоно? – крикнул он.

Однако ожидаемого ответа не последовало. Вместо обличения Лона Тэт попятился и, только отойдя на приличное расстояние, буркнул:

– Тем, чем оно понравилось тебе.

Юна подбежала и прижалась к Мрэкру. Гребешок ее дрожал от волнения.

– Мы решили не противиться Неизбежному, – проговорил угрюмый. – С кем ты, Мрэкр?

– С рекнами, – ответил Мрэкр.

– С какими? С теми, что остаются?

– Правильный выбор должны сделать все, – медленно ответил Мрэкр. Мозг его работал на пределе. В этот момент решалась его судьба и многое из того, за что он отвечает.

– А какой выбор сделал лично ты?

– Ясно, какой он сделал выбор... – протянул кто-то в тумане.

– Какой выбор ты сделал теперь? – спросил угрюмый.

Юна заглянула Мрэкру в глаза.

– Мрэкр, мы правы. Неужели ты этого не понимаешь? Я не верю ничему из того, что о тебе говорят. Ну скажи им!

– Мы отвечаем не только за себя, – ответил Мрэкр хриплым голосом. Что еще можно было сказать? Он не знал ни Лона, ни Неизбежного. Сонные и тупые, живущие только сегоднешним днем, не желающие думать, ратовали за Лоно. Не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы отметить более развитый интеллект этой группировки. И если уж выбирать...

– Ну скажи им, – просила Юна.

Остальные смотрели враждебно. Кое-кто, воспользовавшись туманом, улизнул. Если выбирать, то стоит идти за теми, кто умнее. Даже не зная, куда они приведут. Нужно идти за теми, кто умнее, если нет других ориентиров, если сам не можешь разобраться в сложившейся обстановке.

– Я посоветуюсь с Юной, – ответил Мрэкр. Если бы речь шла только о нем, то он не колебался бы. По-видимому, с прекращением дождя, как ни невероятно это допущение, изменится климат, поэтому старые опытные рептилии собираются увести стаю в безопасное место. Возможно, с прекращением дождей им всем грозит гибель. В таком случае, поведение стариков разумно и естественно, но, судя по отдельным намекам, некоторые пережили сезон Неизбежного, не погибли и даже считают, что этот сезон лучше, чем Лоно. Поди разберись!

Он дал Юне знак следовать за ним и прыгнул в воду. Это было самое разумное, что он мог сделать. Отступить и подумать. Это было бы даже прекрасно, если бы у него было время думать. Часа через два стая должна выступить. И нет никакой возможности убедить ее следовать за более беспокойными, но разумными.

Он взял правее и прибавил скорость. Юна скользила рядышком, заглядывала ему в глаза и показывала, что хотела бы подняться на поверхность. Мрэкру вовсе не хотелось разговаривать, и он упрямо скользил между толстых слизистых стволов псевдорастений, тщательно нащупывая дорогу локатором в мутной красноватой мгле.

Если удастся оторвать от стаи хоть несколько рептилий, то у него будет какая-то поддержка при наступлении Неизбежного. В том, что Неизбежное будет каким-то кризисом, он уже не сомневался. Но при наступлении перелома он просто обязан помочь и другим выбрать правильный путь.

Мрэкр и Юна успели вовремя. Берег был покрыт рептилиями. Когда он вышел на пригорок, передние увидели его и остановились.

– Пошли, – проскрежетал старый Геб. – Больше ожидать нельзя.

Мрэкр только сейчас обратил внимание, что постоянный дождь почти прекратился. Редкие капельки не шли ни в какое сравнение с тропическим ливнем прошлых дней. И небо не было свинцово-серым, даже туман постепенно рассеивался.

– Я остаюсь, – твердо сказал Мрэкр. Холодная волна ужаса поднялась и стихла где-то в глубине сознания. Он решил пойти наперекор какой-то древней традиции, не разобравшись до конца в ситуации. Правильно ли? – Я остаюсь, – повторил он, пытаясь изгнать последние остатки сомнения.

– Ты очень изменился, – сказал Геб.

– Да, – ответил Мрэкр.

Геб ничего не сказал. Он потоптался на месте, потом повернулся и стал удаляться. За ним потянулись остальные.

– Останется ли кто-нибудь со мной? – крикнул Мрэкр.

Некоторые рептилии остановились и повернули к нему головы. В глазах промелькнул слабый интерес, но остальные ползли молча мимо. Они уже привыкли всегда идти за стариками. Которые пожилы, которые видели, которые знают.

– Я остаюсь, – повторил Мрэкр громко. – Кто остается со мной?

Рептилии ползли мимо. Когда последние исчезли в тумане, возле Мрэкра остались только Юна и двое молодых. Они ничем раньше не выделялись из стаи, но Мрэкр не стал ломать голову над вопросом, почему они вдруг решили последовать за ним. Одного звали Га, другого Гу, это было все, что Мрэкр знал о них, но теперь и этого достаточно. Итак, трое. А скольких задержит Тэт?

– Не густо, – сказал он. – Ну что ж. Будем ждать Неизбежного.

– Будем ждать, – повторила Юна.

– Страшно? – спросил он.

– Очень, – призналась она. – Но с тобой почти не страшно.

На другой день туман рассеялся почти полностью. Было немножко жутко видеть на такое расстояние и быть видимым. Небо посветлело. Мрэкр был уверен, что через несколько дней можно будет даже определить сквозь пордевшие тучи местонахождение центрального светила.

Все вокруг приняло лазоревый оттенок. Казалось, что далеко вверху, за тучами, весь небосвод пылает жарким пламенем. На мясистых стеблях сидели квакки. Они уже все повылазили из воды и чего-то ждали. И были они коричневыми, а не зелеными.

Температура заметно повысилась. Га и Гу бродили с высунутыми языками. Мрэкр обратил внимание, что его спутники за последние дни не съели ни одного квакка.

На третий день стало совсем жарко. Га и Гу выбрали сухое место и разлеглись. Все страдало от жары. Юна пряталась под рыхлыми листьями квазирастений и жалобно смотрела оттуда на Мрэкра.

Мрэкр уже с трудом волочил лапы, но упрямо кружил по высыхающему болоту. Что делается в мире?

Неистовая жара оголила каменную гряду, возле которой они находились. Жирная грязь сползла вниз, покрыв почву серой потрескавшейся корочкой. Мрэкр заметил несколько широких трещин в скалах и поспешно устремился к ним. Только бы укрыться от беспощадного зноя!

Они с Юной заползли в ближайшую пещеру в тот момент, когда сквозь тучи проглянул страшный пылающий диск Небесного Огня. Он опалил пламенным дыханием весь мир.

Теряя силы, Мрэкр полз в прохладную темную глубину, пока не уперся в холодный камень. Здесь силы окончательно оставили его, и он рухнул в черную бездну, из которой уже не было возврата.

«Cogito ergo sum»... Каким образом из бесконечно долгого чудовищного бреда вынырнула эта фраза, да еще на латинском языке, Мрэкр не знал, но именно с этого мгновения ухватился за искорку сознания и больше не терял ее.

Он пытался пошевелиться. Старания оказались тщетными: совершенно не чувствовал лап и хвоста. Даже не ощущал положения тела. Сознание постепенно приобретало ясность, вскоре уже не требовалось для мышления волевых усилий, что обрадовало, хотя и трудно радоваться, когда не знаешь, где ты и что с тобой.

Глаза открыть не удавалось, несмотря на все старания. Организм не желал слушаться. Вдруг ослепительно яркая мысль всколыхнула мозг: может быть, он уже в приемной камере? Но разве это возможно? Ведь он еще не выполнил задания...

Что-то едва слышно хрустнуло. Он ощутил разительную перемену. Дышать стало легче, сознание заработало с предельной четкостью. Свое тело (свое тело!) ему теперь казалось чужим и вместе с тем странно знакомым. Задние конечности вроде бы удлиннились вдвое, то же самое произошло с передними, но туловище казалось ссохшимся вчетверо. Мрэкр понимал, что это скорее всего обычное психическое расстройство, но легче от этой мысли не стало. Шевелить конечностями все равно не мог, ощущение было таким, словно отлежал ноги, а то и все тело. Если такое вообще возможно.

Он бережно накапливал силы для следующего рывка. Посмотрим, что даст новая попытка. Однако на этот раз пришлось поторопиться, ибо дышать становилось все труднее. Мрэкр почувствовал вполне понятную тревогу. Погибнуть от асфиксии сейчас совсем ему не улыбалось.

Он судорожно рванулся, с неимоверной радостью отметил, что тело повинует, но вслед за радостью его охватила глухая тревога. Словно завернут в прочный пластиковый кокон! И разорвать его не видел возможности.

Сознание помутилось. Мрэкр рванулся в последнем диком усилии и едва не потерял сознания. Откуда-то ударила струйка чистого воздуха, и легкие заработали с удвоенной энергией.

Оболочка, если только он находился в оболочке, была прорвана или сломана, потому что ясно слышал хруст. И чем бы ни грозил выход из заточения, нужно выбираться уже потому, что заточение еще никому не приносило ничего хорошего.

Он уперся ногами, будучи почти уверен в том, что они стали вдвое длиннее и крепче, вслед за этим оболочка с легким хрустом поддалась, а весь окружающий мир залило красноватым светом. Мрэкр сделал странное произвольное движение, дикое движение, которое он не делал очень долго: он пытался поднять веки, которых у него не было, и... поднял их!

Он увидел крошечную щелочку. В ней помещался странный, незнакомый ландшафт какой-то чужой планеты, он никогда не видел ее ни своими глазами, ни на снимках Космоинформатора.

Он рванулся изо всех сил, оболочка захрустела, и он высунул из нее голову. Он лежал в темной пещере. В нескольких шагах пламенел ослепительно чистым светом вход.

Мрэкр, не помня себя, пополз по камням и выглянул из пещеры. Он едва не закричал от неожиданности.

Красное небо и желтая земля! Перед ним распахнулся необъятный оранжевый мир, а сверху нависло красное, словно залитое горячей кровью, грозное небо. И в этой крови плавится

гигантский желтый шар. И на полнеба он был окружен оранжевыми кольцами, как камень, брошенный в воду, бывает окольцован концентрическими волнами.

На желтой земле стояли исполинские, словно выкованные из сверкающего золота деревья. Прозрачный воздух был заполнен стрекотом, жужжанием, писком, цокотом. Но ведь на этой планете раньше ничто не летало!

Возле входа в пещеру росли цветы. У них были желтые стебли, оранжевые листья и красные головки с одуряющим запахом.

Мрэк с ужасом посмотрел на кровавое небо. В страхе он хотел поползти назад в пещеру и вдруг замер. Словно все небо обрушилось на него. У него было человеческое тело! Настоящее человеческое, а с рептилией он не имел ничего общего!

Он в панике посмотрел на свои руки, ноги, гладкую, упругую кожу. Ничего общего!

И вдруг им овладела бешеная тоска по прежнему, уже привычному телу. Только приспособился, привык – и вдруг... Где он теперь и что с ним произошло?

Кое-как он заставил себя подняться, занять непривычное вертикальное положение. Все тело сковывала слабость, ноги дрожали. Руки почему-то болели, и к тому же приходилось делать невероятные усилия, чтобы не упасть лицом на камни. Недоставало привычной опоры – хвоста. Дважды терял равновесие, едва успевал ухватиться за стену...

Он проковылял несколько шагов и остановился, хватая ртом воздух. Посреди пещеры лежала разорванная хитиновая оболочка! Высохшая шкура рекна! Та самая, в которой он провел несколько месяцев на Менетии и неопределенное время в этой пещере.

И тут впервые за весь период жизни на этой планете Мрэк вздохнул с невероятным облегчением. А как все-таки приятно, когда все происходящее можно объяснить с земной точки зрения!

Эти существа проходят в своем развитии стадии: личинка – куколка – взрослая особь. На Земле в подобные условия поставлены насекомые, например, бабочки. А здесь люди... Еще ближе стоят аблистомы. Их личинки, аксолотли, способны к размножению. Чаще всего они и живут в виде аксолотлей. Только сильная жара или засуха заставляет их превращаться в более совершенных аблистом...

Видимо, эта планета обращается вокруг своего светила по сильно вытянутой орбите. В таком случае ее попеременно заливают водой и высушивают.

Аборигены приспособились. Понятно, почему старики так настаивали на уходе в Лоно. Это, вероятно, какие-то глубокие норы с водой. Старики превыше всего ценят покой и безопасность. Ведь в новом динамическом мире будет много неожиданного и грозного...

Юна лежала за камнями. Ее некогда блестящая кожа теперь высохла и потрескалась, остекленевшие глаза смотрели в потолок. Во всем теле не ощущалось ни малейших признаков жизни. Труп, не более того. Мрэк ни минуты не колебался бы с подобным диагнозом, если бы не знал, что час назад сам представлял точно такое же зрелище.

Юна-рептилия умерла. С этим он и не собирался спорить. Ее место должна занять Юна-человек, и Мрэк ожидал ее с трепетной надеждой. Как она отнесется к нему? Узнает ли вообще? То, что он сам сохранил все нюансы мыслей и чувств, еще ничего не значит. Он не потерял ни крупинки своей личности с той секунды, как в Космоцентре вошел в переходную камеру телетрансформации. У него было только тело рептилии и ни крупинки прежних навыков владельца этого организма. К великому сожалению, впрочем. Только чудовищное самообладание да везение спасали в критические моменты, которых было намного больше, чем того хотелось.

Хитиновая оболочка Юны легонько хрустнула. Сквозь тоненькую трещинку проглянуло что-то красное. Мрэк затаил дыхание. Так какой же все-таки будет его неотвязная спутница?

Пока он колебался, руки его словно сами по себе взяли за оболочку. Он обламывал хитин маленькими хрупкими кусочками, и с каждым очищенным сантиметром в нем росла

надежда, что увидит человека, что человек это будет не страшнее того верткого чудища, что таскалось за ним всюду по Болоту.

Наконец он снял весь хитин. На земле лежала спящая девушка. У нее оказалось маленькое, но сильное тело подростка цвета красной меди и ярко-зеленые волосы. Губы были красными, а ресницы настолько огромными, что на каждой поместился бы земной воробей.

«Неужели тут бывают сильные песчаные бури», – подумал Мрэкр с беспокойством. Природа ничего не создает без необходимости... А ресницы какие... Взмахнет такими и всю планету облетит.

Мрэкр прислушался. Ему показалось, что Юна не дышит. Но она дышала, хотя и очень медленно. Очевидно, время пробуждения еще не пришло.

Он вышел из пещеры. Жизнь кипела всюду. Бурная, незнакомая, непонятная. Его охватил страх. Как снова вживаться? И так едва не погиб, очнувшись в теле амфибии, а ведь та часть жизни была несоизмеримо легче. Сонное существование. А здесь...

Он с нарастающей тревогой ощущал, что испытания только начинаются. Существование кончилось, впереди жизнь! В той жизни был Зверь... А в этой может существовать Суперзверь? Во всяком случае, нужно быть начеку. И немедленно отыскать остальных рекнов. Тех, которые остались с Тэтом. Кто-то же знает, что и как делается в этом мире!

И вдруг Мрэкр вспомнил, что осталась одна молодежь. Никто из них не встречался с Неизбежным! А старики предпочитали не говорить о прошлом. А если и рассказывали что-нибудь, то только с назидательной целью. Вот, мол, как плохо было при Неизбежном...

Возле самого входа в пещеру росло роскошное дерево. Собственно, на дерево это растение похоже не очень, на первый взгляд, ничего общего не имело с неприятным паукообразным слизнем, которого Мрэкр видел в бреду возле пещеры. Значит, в этом мире даже деревья проходят метаморфозу.

Попытка отломить веточку окончилась неудачей. Слишком слаб. Да и стебли оказались слишком гибкими. А ему требовалось другое...

Все-таки удалось отыскать неимоверно твердые растительные стержни метра по два длиной. Они торчали на месте высохшего болота, их, видимо, тоже оставляли видоизмененные растения. Мрэкр не стал доискиваться тайны их происхождения. Он выдернул самый длинный шест толщиной в человеческую руку. Дерево было прочное и тяжелое. Настоящее копьё без наконечника.

Он сразу почувствовал в руках недобрую мощь, представил, для чего может понадобиться оружие. Таков уж человек в тревожной обстановке. А он все еще оставался человеком огня и железа, несмотря на то, что жил в третьем тысячелетии, находился в данный момент на противоположном от Солнца конце Галактики.

Когда вернулся в пещеру, Юна все еще спала, но дыхание ее стало заметнее. Он тяжело опустился рядом. Когда же он заново привыкнет к человеческому телу! Так и тянет пошевелить хвостом или встопорщить гребень...

С некоторой завистью смотрел на Юну. Ей легче. Как и всем остальным рекнам, прошедшим метаморфозу. Благодаря врожденным инстинктам, им не придется заново овладевать телом...

Его глаза закрылись. Не было сил бороться с чудовищной усталостью. Для нового тела даже эта прогулка оказалась нелегкой.

Он подложил под голову копьё и заснул.

Он проснулся от ощущения пристального взгляда. Рядом сидела Юна. Зеленые волосы падали на лоб, она потряхивала головой, отбрасывая пряди, снова жадно и радостно всматривалась в его лицо. Глаза у нее были большие, серые.

– Здравствуй, – сказал Мрэкр.

– Здравствуй, – как эхо откликнулась Юна. Голос у нее был низкий, с едва заметной хрипотцой. Она словно бы прислушивалась к нему, несмело улыбнулась. – Здравствуй, Мрэкр! Так вот какое оно – Неизбежное!

Они жадно рассматривали друг друга. Мрэкр был мускулистым, широкоплечим мужчиной с длинными волосатыми руками, Юна тоненькой и маленькой девушкой. Все в ней было еще не завершено, не сформировано, но в будущем она обещала быть красавицей. Не нужно знать канонов здешней красоты, да требуются ли какие-либо каноны в подобных случаях? Красоту чувствуешь интуитивно. Будь это цветок, лошадь или яхта под всеми парусами. Да не покажется это сравнение кошунственным.

– Я хочу есть, – сказала она жалобно.

«Все верно, – подумал он. – Кушать надобно при любом образе жизни».

Он вышел и огляделся. Собственно, на Земле съедобно практически все живое. Все, что прыгает, плавает, скачет, ползает, летает. Разница лишь в том, что одни прирастали к рагу из змей, а другие к лягушкам. Полинезийцы обожали креветок, а бушмены – сушеных и жареных муравьев... Все понятно. Одна биологическая основа. Поищем и мы подходящую биологическую основу.

Вернулся с пучком мясистых клубней. До метаморфозы питался в этом месте, остается надеяться, что за это время еда не стала ядовитой.

Юна ждала. Она радостно поднялась навстречу, едва он появился у входа.

– Ешь, – сказал он и протянул клубни, – это норква.

Она недоверчиво повертела клубни в руке:

– Норква?

– Норква, – подтвердил он не очень уверенно. – Ешь. Теперь все переменялось.

– Теперь все переменялось... – прошептала она.

Все еще недоверчиво поскребла кожицу, но голод взял свое, и она уже без колебаний вонзила зубы в мякоть.

Но что делать дальше? В соседних пещерах наверняка происходит подобное с другими. С ним ушли Га и Гу, а Тэт, очевидно, увел остальную молодежь. Да, за разумом потянулось больше, чем за силой. Нужно немедленно разыскать остальных и держаться сообща.

Он подождал, пока она поела.

– Подкрепились? Надо искать остальных. Я бы не хотел оставлять тебя одну.

– А я и не хочу оставаться! – крикнула она с испугом.

Юна вскочила на ноги легко и свободно. Она перенесла метаморфозу легче. Организм женщины всегда терпимее к переменам.

– Пойдем, – сказал он.

Она доверчиво взялась за его руку. «Бедная девочка, – подумал он. – Теперь твои надежды на меня как на защитника несбыточны более чем когда-либо. Я и раньше не понимал многого в вашем мире, но мог хотя бы ориентироваться по вашей реакции. А теперь и для вас все ново в Неизбежном...»

Но ведь они будут на него надеяться! Он едва не застонал от чувства бессилия. От него будут ждать решений, указаний. Подсказки. Но что он может?

Юна невольно зажмурилась от яркого солнца. Все так ново, необычно и страшно.

Болота не было и в помине. На его месте простиралась широкая равнина, густо заросшая сочной травой. Кое-где торчали деревья.

Мрэкр почувствовал, что еще мгновение – и она затоскует по старому привычному миру. Там было всегда спокойно.

– Мы хозяева всего этого мира! Посмотри, как красиво! Здесь мы будем жить и работать.

– Здесь мы будем жить... – повторила она, – и работать?..

– Да. И работать. Как никогда раньше. Ты думаешь, все это изобилие нам дастся даром?..

Сколько он валялся дней... месяцев... лет? А может быть, прошли тысячелетия? Кто знает, сколько времени прошло между Периодом Дождей и Периодом Зноя? Может быть, на все это время живность на этой планете впадает в глубокую спячку? В анабиоз? Наподобие земных клопов?

Он ощутил между лопатками неприятный холодок. В таком случае, ему никогда не выбраться отсюда. Не увидит больше прекрасной Земли, не встретится с родными, не отпартовать Макивчуку о своем необычайном приключении...

– Что же мы будем делать дальше?

Голос Юны вернул его к действительности.

– Не знаю, – признался он. – Надо было бы пойти отыскать остальных.

Он пылливо посмотрел на нее.

– Не боишься остаться? Пока я спущусь в долину?

Она вздрогнула. Глаза ее расширились до предела. Мрэкр с острой жалостью посмотрел на ее тонкие руки и худенькие плечи. А ведь она не отобьется даже от воробья!

– Я оставлю тебе надежного охранника, – сказал он.

Мрэкр еще раньше заметил обломки камней со знакомыми прожилками. Оставалось только не посрамить предков.

Будет что рассказать Макивчуку! Он долго колотил камнями друг о друга, не единожды успел проникнуться уважением к троглодитам, прежде чем первая искра промелькнула в воздухе и мигом угасла. Наверное, предки были в состоянии и воду выжать из камня, если считали, что добывание огня весьма заурядное явление.

Наконец крошечная искорка воспламенила мох. Мрэкр осторожно подложил сухие щепочки, потом добавил пару сучков, наконец, набросал веток.

– Что это? – спросила Юна.

В ее голосе не было страха. Одно лишь любопытство. Да и откуда болотным рептилиям знать об огне. Они и своего солнца никогда не видели.

– Это огонь, – сказал Мрэкр. – Он может быть и другом, и врагом, в зависимости, как к нему относиться...

К счастью, урок прописных истин длился недолго. Юна оказалась удивительно понятливой. Хотя иначе и быть не могло. Ведь обновленные рекны за короткий период Зноя успевали создать свою примитивную цивилизацию. Мрэкр снова вспомнил поразившую его воображение щепочку.

Юна осталась поддерживать огонь в костре. Она с таким восторгом подбрасывала в него веточки, что Мрэкр ушел незамеченным.

Он бежал в долину. Приходилось лавировать между бутылкообразными деревьями. К счастью, между ними ничего не росло, а обкатанные валуны Мрэкр перепрыгивал с ходу. Тяжелый шест изрядно мешал, но расставаться с ним было рискованно.

Вскоре заросли странных деревьев кончились. Гора осталась позади. Дальше простиралась равнина. Мрэкр пробежал еще несколько шагов по инерции, потом перешел на шаг. То, что он увидел на равнине, заставило сердце забиться с удвоенной силой. Там были люди!

Они ходили друг за другом по кругу унылой цепочкой. Некоторые из них зачем-то изредка наклонялись и снова шли дальше, печально опустив головы.

Мрэкр взвесил на руке копье. Надо идти к людям. Без них ему и Юне – гибель. Вдвоем они не выживут в этом незнакомом мире.

Его заметили издали. Работающие прекратили странное занятие и повернули бледные, худые лица. Никто не шагнул навстречу. Все стояли и смотрели.

Мрэкр подходил все медленнее. В воздухе повисла гнетущая тишина. Что они делают? Видимо, что-то такое, что и он обязан знать.

– Здравствуйте, – сказал он.

Один из рекнов ответил:

– Здравствуй, Мрэкр!

Они узнали его. По каким признакам? Он при самом сильном желании не в состоянии узнать кого-либо. Что общего между рептилией и человеком? Но они признали...

– Чем вы заняты? – спросил он напролом.

– Топчем траву, – ответил тот же самый рекн. – Чтобы гиаки не подобрались незамеченными. У нас уже двоих изувечили...

Он указал куда-то в сторону. Там без присмотра лежали на спине два рекна с кровото-чащими ногами. Один из них тихо постанывал, другой лежал молча. Скорее всего, был без сознания.

– Так... – сказал Мрэкр медленно. Очевидно, это хорошая мера – вытаптывать траву. – Эти, как их, гиаки не подберутся незамеченными. Но в пещерах лежат без присмотра коконы! Сейчас необходимо обшарить все пещеры, собрать новых рекнов и привести их сюда. И тех, кто еще в коконах, нужно перетащить сюда. Здесь будут в безопасности.

Рекн не двигался. Мрэкр даже забеспокоился. Неужели его не считают вождем?

– Странно ты говоришь, – сказал, наконец, рекн, – трудно понять. И поступать ты заставляешь странно. Так никогда не делалось. Кто уцелеет, сам придет.

– Стая сильна количеством, – сказал Мрэкр как можно жестче.

– Но мы не успеем до темноты вытоптать траву, – возразил рекн. – Что будет тогда? На нас накинута все звери.

– Не накинута, – сказал Мрэкр не очень уверенно. – Я не допущу зверей. А теперь марш по пещерам!

Рекн с видимой неохотой повернулся на месте и медленно зашаркал ногами по траве. У него была тонкая, изможденная фигура. Мрэкр не мог сдержать приступ острой жалости. Эти бедолаги и так на ногах едва держатся. Где им таскать из пещер своих собратьев! Но что можно придумать лучше? В пещерах оставаться нельзя. С одиноким рекном справится любой хищник. В стае они смогут сопротивляться.

Остальные потянулись за первым рекном. Мрэкр поймал одного за руку и велел остаться возле раненых.

– Зачем? – спросил рекн вяло. На его невыразительном лице промелькнула тень удивления.

– Будешь отгонять гиаков от раненых.

– Я?

– Ты.

– Каким образом?

– Смотри!

Мрэкр с силой ударил шестом по земле. Во все стороны брызнул сок расплющенного мясистого растения, в трех шагах что-то зашуршало и мелькнула мускулистая спинка рыжего убегающего зверька.

Рекна словно кто подменил. Глаза его загорелись, он сам ухватился за шест. Мрэкр отошел в сторону. Рекн неумело ударил по траве, перехватил шест удобнее и уже уверенно сшиб головку громадного цветка с одуряющим запахом. Третье сочное растение он сокрушил с одного удара.

– Отлично, – сказал Мрэкр с облегчением. – Здесь и ходи. Никуда не отлучайся. Понял? Ни на шаг от раненых!

– Понял, – ответил рекн слабым, тонким голосом и вдруг широко улыбнулся. – Ты странно говоришь, Мрэкр, но мне это нравится!

Он еще раз наискось ударил шестом по траве. Мясистые стебли с хрустом повалились на вытоптанный участок.

– Мне это нравится, – повторил он с нажимом и принялся ходить вокруг раненых, с каждым ударом шеста по траве отвоевывая у природы расчищенную площадь.

Мрэкр с облегчением отступил. Пока все идет хорошо. Теперь нужно привести Юну. Видимо, здесь придется закладывать первый поселок. Долина очень ровная, лес достаточно далеко, звери не подберутся незамеченными.

К Юне добрался без приключений. Она сидела на корточках возле костра и подбрасывала щепочки. Рядом с ней сидел полненький рекн с круглым черепом и живыми, блестящими глазами. Он увлеченно следил за процедурой кормления огня и не заметил подошедшего Мрэкра. Рекн испуганно дернулся при появлении вождя, но тут же вскочил на ноги.

– Мрэкр! – воскликнул он. – Это чудо! Я ни разу не слышал об этом горячем существе от стариков!

И этот узнал его. Хотя ему могла сказать Юна. Но все-таки он скорее всего сам узнал. Каким образом?!

– Мрэкр все может, – сказала Юна довольно. – Наш вождь! А здорово как, Га!

Значит, это Га. Запомним. Какая все-таки прелесть эта Юна. В который раз приходит на помощь подобным нечаянным образом.

– Этих чудес у нас будет еще много, – сказал Мрэкр. – А пока загасите костер!

– Зачем?

На лице Га отразился ужас. Его полненькое лицо искривилось. Потерять огонь?

– Мы пойдем в долину, – объяснил Мрэкр. – Там будем жить. Там и разведем новый огонь.

– Значит, мы возьмем его с собой? – обрадовался Га. Он гордо выхватил из костра горящую ветку. – Юна уже научила меня переносить огонь.

«До чего же быстрая адаптация, – подумал Мрэкр. – Все равно поражаешься, хотя и знаешь, что все это продиктовано условиями развития».

– Мы перенесем его спрятанным в камнях, – сказал он. – Это проще. А костер затушите. Иначе познакомитесь с пожарами.

Он сам бросил первые комья земли. Остальное Юна и Га проделали без него. Га уже без подсказки завалил остатки костра мокрыми стеблями и затоптал ногами последние искорки. Велика же была его вера в вожака, если решился безропотно расстаться с живительным теплом!

– Все правильно, – одобрил Мрэкр.

Он повел свой маленький отряд в долину. Га испуганно шаркался от любой бабочки, от любого щупальца псевдорастения. Мрэкр заметил, что Юна старается держаться поближе к нему. Понятно, мужская спина всегда кажется надежной защитой. Он чуть сбавил шаг и получил в награду благодарный взгляд крупных серых глаз.

В долине его ждала неожиданность. Там уже находилось несколько человек: четверо с остервенением рубили траву длинными шестами, а возле раненых стоял часовой, которого оставил Мрэкр, и что-то горячо объяснял рекнам. Они скоро повернулись и побежали к лесу.

– Куда ты их послал? – крикнул Мрэкр еще издали. – Пещеры в другой стороне!

– За палками!

Вот оно что! Ничего не скажешь, информация здесь передается немедленно.

Постепенно в долину стекался народ. Некоторые несли на себе тяжелые коконы.

Вокруг него уже собралось около двух десятков рекнов, все смотрели с ожиданием. Здесь были представлены почти все уцелевшие юноши и девушки племени. Никто не перечил, как это делали старики, но никто и не подсказывал возможных решений.

– Люди! – Мрэкр вдруг почувствовал в горле застрявший комок. – Позвольте теперь называть вас так. Вы уже не полуживотные. Вы – сапиенсы. Не все, что я говорю, понятно вам пока, но верьте мне. Сейчас нам нужно очень много работать. У нас ничего нет для новой жизни. Ничего! Все нужно сделать самим. И тогда этот мир будет целиком наш.

Га внимательно слушал и кивал, Юна смотрела восторженно. Они уже находились под его влиянием. А как остальные?

Кто-то спросил:

– Что нам делать, Мрэкр?

Он вздохнул свободнее. Люди этого мира не теряли времени на дискуссии.

– Нужно натаскать сухих веток, – сказал Мрэкр, – скоро ночь. Хищники выйдут на охоту в сумерках...

«А выйдут ли они в сумерках? – подумал он, глядя, как несколько человек немедленно отправились за хворостом. Их повел Га. – А может, здешнее зверье выходит на охоту утром или уже вышло?»

Не теряя времени, он показал остальным, как нужно разводить костер. Несколько наиболее решительных парней принялись сразу же осваивать новое дело, а Мрэкр пытался объяснить другим устройство и назначение плетня.

К вечеру очищенный участок удалось обнести частоколом. Га сидел возле маленького костра. Он только ждал сигнала, чтобы развести большой огонь.

Сумерки наступали быстро. Когда Мрэкр бросил сухих веток в костер, возле него собралось все племя, за освещенным кругом темнота сгустилась до предела. На небе горели яркие звезды. Их было значительно больше, чем на земном небе. И были они крупнее и ярче.

Его племя робко жалось у костра. Спасительное тепло грело, а красный непривычный свет отбрасывал зловещую темноту далеко в стороны. Станный и жуткий мир. Но в нем теперь предстояло жить и найти пищу для существования. Правда, вождь говорил, что они теперь хозяева всего этого мира, но как-то непривычно и хозяевам...

Издали донесся страшный звериный рев. Какой-то зверь вышел на охоту и не скрывал своих намерений. Видимо, не привык встречать отпор.

Все испуганно зашевелились. Некоторые косились в сторону леса, словно надеясь бегством в чащу спасти жизнь. Конечно, если разбежаться врассыпную, то хищник переловит не всех. Кто-то непременно да уцелеет...

– Разобрать шесты! – скомандовал Мрэкр. – Пусть несколько сильных мужчин станут возле каждого угла ограды. Если звери подойдут близко, поднимайте тревогу.

Он снова повернулся к костру, но прежнего спокойствия не было. Несколько силуэтов бесшумно скользнуло в темноту. Остальные сидели, поминутно прислушиваясь к неясным ночным шорохам. Мрэкр на всякий случай подбросил в огонь пару больших веток.

Хриплый рев раздался ближе. На этот раз в нем ясно слышались уверенность и нетерпение. Словно хищник уже видел добычу и знал, что она не уйдет!

Мрэкр напрягся. Этого еще не хватало. А костер? Ведь огонь способен отпугнуть любое животное.

И вдруг Мрэкр вспомнил, что животные этой планеты, как и люди, никогда не встречались с огнем. Да и какой огонь способен существовать в болоте под вечным проливным дождем?

– Взять по головешке! – распорядился он.

Мужчины и женщины потянулись к огню. Мрэкр заметил, что Юна первой схватила горящую ветвь и стала рядом с ним. Он поднял свой тяжелый шест. Неужели хищник рискнет...

В темноте раздался страшный человеческий крик, и в освещенный круг мягко впрыгнул зверь. Он оказался величиной с крупного медведя, и у него были короткие мускулистые лапы с когтями. Все увидели странные, блеснувшие зеленым огнем глаза.

Мрэкр закричал и швырнул пылающей головней. Тотчас же со всех сторон в зверя полетели горящие ветки. Попали не все, но чья-то головня подожгла все-таки рыжую шерсть. Мрэкр тут же изо всех сил обрушил жердь на массивную голову хищника. Шест с треском перело-

мился. Мрэкр подхватил второе копьё, но зверь уже прыгнул на него. Замахиваться было некогда. Зверь обрушился, как лавина...

Неистовый рев оглушил всех, спрятавшихся за частоколом. Зверь напоролся на шест, который Мрэкр упер другим концом в землю. Юна бесстрашно ударила хищника горячей веткой по глазам, он взревел от боли и ярости, сделал попытку убежать, но Мрэкр подхватил еще одну дубину, настиг зверя и с маху ударил по голове. Откуда-то из темноты появились смутные тени людей племени. Они, осмелев, принялись осыпать зверя ударами по голове, по спине, по лапам...

Мрэкр отошел в сторону. Теперь справятся и сами. Через несколько минут рев сменился хрипами, но они и тогда с остервенением били по раздробленным костям.

Две женщины вывели из темноты раненого. У него распоротое бедро когтями хищника. К счастью, рана оказалась страшной только на вид. Даже без лечения она зажила бы через несколько дней.

Юна всхлипывала от пережитого страха и цеплялась за Мрэкра, но он сам чувствовал себя далеко не так уверенно, как хотелось бы. Хорошо, что хоть победа над грозным хищником досталась сравнительно легко. Тот, кто еще не верил в странные приказы, теперь поверит. Все-таки костер сыграл едва ли не главную роль в сражении. Ослепил, подпалил шерсть, причинил неведомую боль... Да и без этих дубинок им бы не справиться.

Но что делать теперь? Будь это на Земле в далекие времена пещерных людей, он не сомневался бы: зверя можно есть. Но внешнее сходство еще ни о чем не говорит. Придется попробовать самому.

Мрэкр с великим трудом выкромсал кусок мяса. Пришлось для этого использовать обломки кремния. Поистине универсальные орудия предков: и костер развести, и тушу разделить...

Племя с изумлением наблюдало, как вождь насадил мясо на прут и сунул в огонь. Кто бы мог подумать, что происходит величайший поворот в их цивилизации!

Ему снилась гигантская чаша космического передатчика. Снова входил он в камеру. Суетятся взволнованные люди в белых халатах... Пуск!.. Мощный лазерный сгусток понес его Я через Галактику. Цель – планетная система звезды ЛЛЛТ-64. Если там окажется высокоразвитая жизнь, то он воплотится в тело наиболее совершенного и приспособленного существа. Если же не окажется такой жизни, то луч, отразившись, вернется обратно... А Земля ждет... Через год эту планету отыщет новый луч, на месте его падения возникнут механозародыши, которые разовьются в сложные машины. Действуя по заданной программе, они построят передатчик, чтобы он мог вернуться на Землю...

Он проснулся от утренней свежести. Было сыро и зябко. Костер еще горел, возле него сидела незнакомая юная девушка и подбрасывала в огонь маленькие веточки. Юна спала рядышком. Двое мужчин с копьями наперевес прохаживались вдоль частокола.

На востоке разгоралась заря. Пушистые облака окрасились розовым светом, какие-то пичуги вовсю распевали утренние славословия солнцу, а племя еще спало. Спали мужчины, одуревшие от непривычной сытости, спали осторожные женщины.

Мрэкр рассматривал племя. Ну вот, здесь почти вся молодежь. Ушли от Большого Болота. А что дальше?

Он вдруг с пугающей ясностью понял, насколько это все не просто. Испытания только начинаются. Не так трудно следить за своими мыслями и поступками в теле рептилии. В худшем случае это закончится смертью. Своей. А сейчас он взвалил на себя ответственность за все молодое поколение. За годы, прошедшие в Болоте под опекой старших, они совсем разучились мыслить и поступать самостоятельно. А ну-ка, что сделал гамельнский крысолов, когда увел детей из города?

Случай был беспрецедентный. И Мрэкр был к нему не готов. В школе разведчиков Сверхдальнего Поиска они находились под опекой лучших психологов Галактики, но никто не предполагал, что разведчик столкнется с подобными вещами. Собственно говоря, он уже выполнил задание Комиссии по Контактam: собрал интересующую информацию, и достаточно полную. Можно возвращаться.

Он с надеждой и тревогой посмотрел на небо. Он всегда смотрел в северный сектор, когда испытывал сильнейшее затруднение. В той стороне находилось Солнце. Там была Земля.

Земля! Он почувствовал, как сердце сжимается от волнения. Земля! Я, как Антей, припадаю к тебе через сотни парсеков с мольбой о помощи. Каждый из нас, где бы он ни был, черпает в тебе силы и поддержку, Земля. Родная, древняя Земля!

Мрэкр сосредоточился на мысли о Земле, пытаясь схватить ускользающую мысль. Земля... Земля... Вернее, история человечества... Почему бы не поискать ключ здесь?

Закон развития человеческого общества универсален. Сколько энтузиасты ни искали в беспредельном космосе принципиально новых общественных систем, все было тщетно. В истории человеческого общества, в природе действуют объективные закономерности, не зависящие от воли и желания людей. Так было и на Земле, когда разные расы находили один и тот же путь к будущему.

Мрэкр снова почувствовал несоизмеримость поставленной задачи со своими силами. Одно дело устанавливать контакт с цивилизациями, которые находятся на том или ином отрезке пути, другое – самому закладывать основы этого общества. Это не под силу одному человеку, кем бы он ни был. Даже группе лиц не под силу.

С чего начинать? Его народ – *tabula rasa*. Хорошо бы заложить с самого начала основы справедливого строя! Чтобы не было жестокостей рабовладельчества, изуверского фанатизма средневековья, мрачного и кровавого фашизма. Ведь в истории Земли понадобилась смена нескольких поколений, чтобы до конца завершить духовную перестройку, переплавку сознания, начатую еще во время Великой Революции. Этой небывало сложной задаче были отданы все силы на протяжении очень долгого времени. Но если заложить справедливые понятия с первых же шагов общества? Ввести их в ранг закона?

В таком случае потребуются пробудить элементарнейшие понятия о честности, верности, жалости, долге... Первые элементарные понятия!

На фоне разгоравшейся зари вырос черный силуэт часового. Мрэкр узнал Га.

– Приветствую тебя, вождь! – сказал подошедший.

Мрэкр кивнул. Что-то ему не понравилось. Приглушенный голос, настороженность, вкрадчивая манера...

– Теперь Геб над нами не властен, – тихо заговорил Га. Он все так же настороженно поглядывал по сторонам. – Ты наш вождь. Мы все признаем твою силу...

Мрэкр внимательно слушал, стараясь понять, куда гнет Га. Станные комплименты, иначе их не назовешь.

– Ты найдешь во мне верного помощника, – шепнул Га жарко.

Помощника? Но здесь все должны помогать друг другу, иначе просто невозможно выжить...

Мрэкр пристально посмотрел на Га, и вдруг его словно обдало жаром. Так вот какого помощника он имел в виду! У старого вождя всегда был доносчик в стае, который информировал его буквально обо всем. От него нельзя было утаить ни одной лакомой луковицы, ни одного червяка, ни одного квакка. Значит, этот молодой и здоровый парень намерен пристроиться возле самого сильного, чтобы под его защитой урывать и себе часть! Как рыба-прилипала возле акулы.

Мрэкр ощутил острый стыд. На какое-то мгновение забыл, что перед ним люди совершенно другого мира. Да, здесь нужно начинать с прививки элементарнейших понятий. С самых элементарных...

– Займи свое место, – велел он. – Звери пока не ушли на дневной сон.

С самых элементарных: народ, земля, общество. Надо создать общество. Полноценное функционирующее общество, которое могло бы существовать само по себе и тогда, когда он все-таки решится вернуться на Землю.

Юна проснулась, смотрела на него застанными глазами. Зеленые волосы в беспорядке струились по ее лицу, она хлопала огромными ресницами. Мрэкр в самом деле ощутил от них движение воздуха.

– Мрэкр! – тихонько позвала она. – Ты здесь? Мне приснилось, что ты ушел, и мне стало страшно. Так страшно, как никогда не было страшно. Ты не уходи, Мрэкр. Ладно? Ты никуда не уйдешь от меня? Смотри!

Он погладил ее по голове. И Юна снова замурлыкала:

– А ты не исчезнешь, Мрэкр? Я все боюсь, только закрою глаза, а ты уйдешь...

– Спи, – сказал он. – Никуда я не уйду. – И подумал: «Проклятый лжец! Вот так и закладывая основы нравственности. Врач, исцелился сам...»

– Ты не уходи, Мрэкр, – пробормотала она сквозь сон. – Мы без тебя пропадем. Мне очень хорошо, что ты самый сильный и мудрый, что ты вождь...

Еще один из соблазнов, подумал он с невольной насмешкой. Интересно, кто-нибудь еще предложит мне стать полновластным божком племени?

Он и сам не предполагал, что это случится всего через несколько минут. Возле него опустился на корточки подошедший Тэт. Волосы молодого парня были всклокочены и лицо не отошло от сна, но в черных блестящих глазах уже разгорался жадный интерес к новому миру.

– Здравствуй, вождь, – сказал он торжественно.

Мрэкр насторожился. Почему он не назвал его по имени?

– Доброе утро, вождь, – повторил Тэт и надолго замолчал. – В этом мире потребуется много усилий.

Мрэкр отметил, что юноша верно ориентируется в незнакомой среде. Именно на таких придется опираться в первое время.

– Потребуется много усилий, – повторил Тэт. – Но все ли готовы к трудностям? Все ли захотят отдать все силы? Груз старых традиций очень силен, вождь... Ты один знаешь, что и как делать.

– Я объясню всем, – осторожно ответил Мрэкр. Он уже понимал, куда клонит черноглазый фанатик.

– Будет ли время? – возразил Тэт горячо. – Нужно приниматься за дело немедленно. Без проволочек. Нужно строить, а не разглагольствовать. Ты знаешь, что нужно делать. Веди нас! Мы не должны терять время и силы на бесплодные поиски истины. Ты ее знаешь, и нам этого достаточно!

– А как же быть с теми, кто не поймет нашего пути?

– Заставим! – сказал Тэт твердо. Его глаза сверкнули темным пламенем. – Это же самые ленивые, ни на что не пригодные болтуны. Мы их просто заставим работать по единственно правильному плану. А потом они сами поймут.

– А если не поймут? – спросил Мрэкр. Ему очень хотелось проникнуть в психологию подобного сорта людей. Не приходилось сомневаться, что и на Земле в темное древнее время именно такое стремление катапультироваться в будущее и выдвигало сильные личности, которые диктаторской властью причиняли обществу вреда больше, чем пользы.

– Тем хуже для них, – сказал Тэт жестко. Он небрежно махнул рукой, но Мрэкру показалось, что он этим жестом вычеркнул из жизни десятки людей.

«Дешево же ты ценишь свою независимость, – подумал Мрэкр. – И это самый гордый из молодежи! Что тогда говорить о других? Веди нас, вождь, фюрер, дуче! Мы верим в тебя, мы верим тебе. И что бы ты ни сделал, ты прав во всем. Как хорошо и просто быть маленьким человеком! Не висят над тобой никакие нерешенные моральные проблемы, все в мире делается без твоего участия. Фюрер думает за тебя. Ты пьешь чай внакладку, ты взбиваешь перину перед сном, а дуче все еще стоит у карты мира. Все заботы страны на плечах вождя. Спасибо, фюрер! Ура, фюрер, вождь, дуче!»

– Дешево ты ценишь свою независимость, – сказал Мрэкр.

– Но ты ведь не Геб, – сказал Тэт слегка обиженно. – К тому же железная необходимость...

Я не Геб, хотел сказать Мрэкр. Я знаю больше его. Я могу быть лучшим царем из всех возможных. И на Земле когда-то верили в доброго царя...

– Все это очень не просто, – прошептал он.

Они только что вышли из-под власти Геба. Должны быть до предела сыты диктаторской властью. Но вот Тэт, самый независимый, выражает готовность следовать его указаниям. Или за время Болота все уже настолько привыкли к понуканиям вождя, что и не мыслят о других вариантах существования племени? Тогда нужно показать эту возможность. И не только показать. Придется создавать полномочный функционирующий совет... правда, старейшин теперь нет, но есть же среди них люди, успевшие завоевать уважение сородичей умом и справедливостью?

Он все еще размышлял напряженно и болезненно, как вдруг в темном небе сверкнула молния. Это была странная молния, удивительно прямая и короткая, словно огненная стрела метнулась с неба на землю.

Почва слегка дрогнула. Мрэкр почувствовал неистовую радость, у него даже руки задрожали, а сердце застучало вдвое быстрее. Он один на всей планете знал причину этого странного явления. Да еще тысяча контактеров, рассеянных по всей Галактике, могли бы объяснить необычную молнию.

Племя между тем просыпалось. Озябшие люди тянулись к костру, кто-то выломал из ограды сухой кол и бросил в огонь. Ввысь взметнулись искры, осветили ожидающие лица.

«Да, – подумал Мрэкр. – Я поведу вас. И буду вести до тех пор, пока не научитесь ходить сами. Иначе после моего ухода какой-нибудь энергичный мерзавец вздумает повести вас совсем в другую сторону, а вы и не пикнете...»

– Люди, – сказал он, – наступил первый день нашей новой жизни. Мы начнем его с переселения на север. Примерно в трех днях пути нас ожидает необыкновенное место... Там мы и остановимся. Отныне никакие хищники не смогут нам помешать стать хозяевами этого мира!

– Переселение? – спросил чей-то неуверенный голос.

– Да, – ответил Мрэкр.

Он уже твердо знал, что в этот момент в трех днях отсюда плавится скальная почва, в раскаленной магме возникают эмбрионы механозародышей, которые потом разовьются в совершенные механизмы. И они будут настроены на волну человека Земли...

– Зачем нам идти туда? – спросил Мун. Он смотрел на вождя с недоверием, которого не пытался скрыть.

– Там нам будет лучше, – сказал Мрэкр.

Он видел, что люди негромко переговариваются между собой, поглядывая на север. На вождя они смотрели вопросительно.

Потом к костру вышел Угрюмый. Он смотрел на Мрэкра дружелюбно, но что-то в его фигуре настораживало.

– Нет, Мрэкр, – сказал он просто. – Мы не пойдем на север. По крайней мере, до тех пор, пока ты не объяснишь свои слова и мы не убедимся, что ты действительно прав.

За его спиной слышались одобрителные возгласы. Этого Мрэкp не ожидал. И это после всего, что он для них сделал? Объяснять каждый свой шаг, каждый поступок? Но как объяснить им, что такое антигравитационный энтокар или биотокоевое управление квазиструктурами?

– Верьте мне, – сказал он твердо, – и я поведу вас к счастливой жизни. Верьте!

Угрюмый покачал головой. Однако смотрел с сочувствием.

– Нет, Мрэкp, – сказал он. – Мы верим в твое желание принести пользу. Но откуда мы знаем, что ты не ошибаешься?

– Я не ошибаюсь! – крикнул Мрэкp.

Угрюмый пожал плечами. Искорка сочувствия в его глазах медленно угасала.

– Хотелось бы, чтобы это было так. Но у нас есть и свои головы. И они не позволяют нам идти за тобой слепо.

– Но вы же шли за Гебом!

– Нет, Мрэкp. Мы не шли. А те, кто шли, теперь уже в Лоне. Мы те, кто доверился разуму.

Мрэкp увидел, что люди радостно зашумели при этих словах. Даже те, кому явно импонировали его исполинская сила и отвага. Лишь Юна прижималась к нему тоненьким плечиком.

– Люди, – сказал он горько, – вы ошибаетесь... Я только хотел, чтобы вы одним рывком перескочили десять тысяч лет в развитии...

Он видел, как протестующе дернулся Мун. Молодой рекн быстро шагнул вперед и оказался с ним лицом к лицу.

– Не называй нас людьми! Мы не знаем, что значит это слово. Может быть, ты вкладываешь в это слово что-то очень хорошее, тогда мы будем рады подружиться с этими... людьми. Может быть, они уже давно вышли из Больших Болот и живут теперь на Горячих Песках... Но мы рекны! И не желаем становиться чем-то иным. А насчет скачка в десять тысяч лет... Почему ты молчишь, какой это будет ценой?

Лица у рекнов были мрачными. В мертвой тишине было слышно стрекотание насекомых и писк пролетающих птиц.

– Ты приведешь к счастливой жизни, я допускаю такую возможность, стадо, а не племя! Но кто решится променять свое собственное нелегкое бытие на бездумное существование?

– Не бездумное существование... – начал было Мрэкp.

Но Угрюмый горячо прервал его:

– Бездумное, если за нас будешь думать ты! Но ты, Мрэкp, ошибся. Они ушли в Лоно, Мрэкp. Ушли, Мрэкp...

Оранжевые скалы вздымались впереди, над самым горизонтом висел огромный медный диск. Он был тоже оранжевым и так сверкал, этот начищенный гонг, что Мрэкpу хотелось ударить в него кулаком.

– Отдохнем? – спросила Юна осипшим голосом.

Она смотрела умоляюще. Глаза у нее были красные, а на лбу и щеках бледность сменилась желтизной.

– Только недолго, – предупредил Мрэкp. – Иначе нам придется опять спать на дереве.

Юна блаженно опустилась на сухую землю. Почва была каменистой и горячей, но усталому телу показалась мягче псевдоилий из Большого Болота. Мрэкp всматривался в неправдоподобно оранжевый мир. Это второе солнце одним взмахом стерло все предыдущие гаммы цветов. Остались только горячие во всем многообразии, и нужно к ним применяться.

Там, за оранжевой грядой, в это время плавают скалы, а из механических семян стремительно вырастают могучие машины... Гм, как на них отреагирует Юна?

– Мрэкp, – попросила Юна в этот момент, – посиди со мной.

– Сейчас, – ответил Мрэкp.

Юна подождала, потом протянула опять:

– Ну, Мрэкр...

– Иду-иду, – сказал Мрэкр.

Он переложил копье в левую руку, помедлил, потом сел рядом с девушкой. Она тут же свернулась калачиком и поспешно положила голову ему на колени. Волосы она распустила, и они казались единственным свежим пятнышком зелени на многие километры выжженной горячей почвы.

Мрэкр погладил ее по волосам. Юна открыла глаза и несмело улыбнулась. Ей очень нравилось, когда Мрэкр так делал. Только он очень редко гладил ее, почему-то не решаясь заглядывать в ее такие громадные глаза. Странно, ведь он такой смелый...

– Пора, – сказал Мрэкр и осторожно снял ее голову с коленей. – Пора идти, – повторил он с непонятным самому себе раздражением.

Он вскочил и перехватил копье поудобнее.

– Да, – согласилась Юна покорно, – нам пора идти...

Оранжевый свет внезапно померк. Мрэкр поднял голову и увидел, что ослепительный диск быстро спускается за черту горизонта. Край земли прогнулся, словно под неимоверной тяжестью. Знакомый оптический эффект принес какое-то успокоение. Тем более что все снова вернуло себе прежние краски.

– Как сумрачно, – сказала Юна и поежилась.

Действительно, освещенная одним солнцем долина стала мрачной и неприветливой. Сверху давили фиолетовые лучи, а валуны приобрели зловеще багровый оттенок. Земля покоричневела, словно обожженная глина, разбросанные по долине камни казались оплавленными чудовищными температурами, будто здесь пронесся атомный смерч.

– Мне страшно, – прошептала Юна.

– Тем скорее мы должны пройти это место, – ответил Мрэкр твердо.

Юна вцепилась в его руку и ускорила шаг. Впереди бежали две огромные черные тени. Их уродливо крошечные головы были очень далеко от ног и почти терялись в сумрачной дали, только прямо по курсу одно за одним гасли багровые пятнышки камней.

Юна очень крепко держалась за его руку. Она и на бегу старалась прижиматься к нему плечом, и это очень мешало. В ее громадных глазах застыл откровенный страх.

Они услышали далекий звериный рев. Где-то за рощей находилось сильное животное, в его голосе слышались первобытная мощь и свирепость.

Мрэкр узнал сородича того самого зверя, что посетил племя в первый же день новой жизни. Но там был костер и дружная отвага мужчин племени...

– Я могу бежать быстрее, – сказала Юна.

Она прислушивалась на бегу, длинные волосы развевались позади.

– Что ж... – сказал Мрэкр.

И прибавил шаг. Бежать с копьем было неудобно, но оставить его он не решался. Все-таки защита... не с молитвой же вступать в поединок.

Рев раздался еще раз, короткий и мощный. В нем явственно слышались торжество и нетерпение.

– Напал на след, – сказала Юна.

Мрэкр ничего не ответил, и она пояснила:

– На наш след.

– Прибавим шаг, – сказал Мрэкр.

Юна не бежала, а летела. Ее длинные зеленые волосы вытянулись в сплошную изумрудную ленту, а красное тело казалось бегущим пламенем. Стройные ноги позволяли все время находиться рядом с Мрэком, а он несся во весь опор.

Они выскочили на лужайку. Ее усеивали миниатюрные цветы с красными и оранжевыми головками, посредине был родничок. Вода была прозрачной и, очевидно, студеной. На таких лужайках на далекой Земле по ночам любили танцевать феи...

Хриплый рев прогремел, как раскаты грома. Зверь был совсем близко. И не было добрых фей...

– Пещера! – крикнула Юна.

За лужайкой виднелась гранитная стена. Кое-где на ней росли деревья, впиваясь жилистыми корнями в малейшие трещины, расширяя их и углубляя.

– Мрэкр! – позвала Юна.

И в это мгновение на лужайку выпрыгнул зверь. У него были мягкие движения, выдающие хищника, который нападает из засады. А если уж решится погнаться за какой-то дичью, то только за мелочью...

Мрэкр быстро оглянулся. Юна протискивалась в щель. А зверю нужно было только два прыжка, чтобы настичь две слабые фигурки с тонкой кожей.

Мрэкр с силой метнул копьё, зверь прыгнул, и острое ударило его в голову. Крепкий шест с треском переломился, но Мрэкр торопливо втиснулся в пещеру вслед за девушкой.

В следующее мгновение на скалу обрушилась гора мускулов и ярости. Совсем близко от своего лица Мрэкр увидел желтые бешеные глаза зверя, вдохнул горячее дыхание. Зверь зарычал, капелька слюны попала Мрэкру на руку.

– Мрэкр, – сказала Юна возле его уха, – я не могу шевелиться! Дальше стена.

– И щелей нет? – спросил Мрэкр с надеждой.

– Нет, – сказала Юна обреченно.

Они оказались зажаты в узкой трещине. Сзади была каменная стена, а спереди все дрожало от громоподобного рыка. Зверь изогнулся и пытался достать спрятавшихся лапой. Когти царапнули гранит рядом с лицом Мэкра.

– Мрэкр, – сказала Юна у него за спиной. – Нам не выбраться отсюда?

– Ну-ну, – сказал Мрэкр, – только не трусь. Бывало и хуже...

– Нет, Мрэкр, – сказала Юна тихо. – Раньше мы были с людьми.

Рык заглушил ее слова. Зверь пытался расшатать большой камень, и Мрэкр с ужасом увидел, что это ему удастся. Он вжимался спиной в камни, но отверстие все расширялось. Зверь уже не ревел. Он рычал и яростно кидался на камень у входа. И тот, наконец, выкатился, приминая траву и цветы. Из раздавленных сочных стеблей брызнул белесоватый сок...

Все это Мрэкр машинально отметил, хотя не отводил взгляда от зверя. Тот подобрал лапы, собрался в тугой комок стальных мускулов, сузил желтые яростные глаза...

В этот момент снаружи коротко блеснул свет. Он услышал короткий яростный хрип, затем глухой шум упавшего тела. Мрэкру показалось, что он уловил легкое шипение, которое длилось всего лишь мгновение, словно сквозь влажный воздух планеты промчалась неслышимая молния, оставляя ионизированный след.

Он бросился наружу и споткнулся о тушу мертвого чудовища. Морда зверя была страшно оскалена, мощные лапы скрючены в жестокой судороге. Смерть настигла его мгновенно.

– Мрэкр!

Из пещеры выскочила Юна. Она была белой от страха, но помчалась к Мрэкру и ухватила его за руку. На зверя она даже не посмотрела.

– Ты куда ушел от меня, Мрэкр? Не уходи от меня. Я боюсь без тебя, Мрэкр...

Мрэкр, не отвечая, зачарованно смотрел вверх. Из тяжелых фиолетовых туч вниз стремительно падала белоснежная капсула. Это из нее на полном ходу сверкнул короткий лазерный импульс, уничтоживший зверя.

– Еще вниз, – приказал Мрэкр вслух. – Левее. Стоп!

Летающая платформа опустилась рядом. Она сияла стерильной чистотой. А такую сияющую белизну не мог породить этот мир, не знающий, что такое холодные вершины гор Земли.

– Что это? – спросила Юна шепотом. Она крепко уцепилась за Мрэкра и не собиралась отпускать его. – Такое большое!

Еще бы, подумал Мрэкр. Кто же мог предположить, что он и здесь останется человеком? Конструкция транспортировщика предусматривает любые варианты существования, будь он размером с кита или с микроба. Наверняка найдется здесь и бак с водой, и камеры с различными силовыми полями...

– Это большое, – сказала Юна, – слушается тебя? Как?

Как может управлять такой машиной разведчик, сам еще не зная, в каком теле ему придется очутиться? Руками, хвостом, рогами, псевдоподиями? Или свистом, шелканьем, воем, хрюканьем? А если у него не будет ни рук, ни ног и он будет обречен на молчание? Или, например, возродится в облике разумной плесени?

– Неси нас в Центр, – приказал он мысленно. – И побыстрее.

Оцепеневшая от ужаса Юна видела, как в белой-белой стене возникла большая черная дырка. Тотчас большие сильные руки подхватили их и внесли внутрь летающего дома.

Они оказались в большом странном помещении. Юна бросилась к окну во всю стену и впервые вскрикнула от ужаса. Необъятная долина с черными скалами, через которую они шли два дня, была уже не больше звериной шкурки. И она продолжала стремительно уменьшаться...

– Теперь ты все поняла?

Юна кивнула. Они сидели на больших круглых камнях на самом краю котлована. Снизу доносился грохот, часто сверкали мощные разряды. Там размножалось последнее поколение машин. Именно они и построят передатчик. И выйдет он в камеру, скажет: «Пуск», и понесется через Галактику мощный импульс. Со скоростью света домчится до Земли всплеск звездной энергии. А из приемной камеры попадет в объятия Макивчука и хохочущих друзей разведчик сверхдальнего поиска...

– Тебя следовало бы убить...

Мрэкр с великим изумлением посмотрел на Юну. Ее пухлые губы были плотно сжаты, а огромные глаза прищурены. Она была бледной как смерть.

– Тебя следовало бы убить... Зве... Звездный Пришелец, – сказала она снова. – Именно такие вот и могут завладеть умами всего племени. А после ошибки – все снова в Большом Болоте... Но ты и сам уходишь...

Она закрыла глаза. Ее губы еще некоторое время шевелились, но Мрэкр уже ничего не мог разобрать.

– Юна! – крикнул он.

Он не узнавал своего хриплого яростного голоса. Он не понимал и не узнавал себя, которого сокурсники считали кибернетической машиной в облике человека.

– Юна!

Она обратила к нему свое бледное лицо. Глаза ее раскрывались все больше и больше. В них нарастало изумление, в темной глубине заблестела золотая искорка.

– Юна! – выдохнул он хрипло. – Ты полетишь со мной! Я не смогу пробыть без тебя ни одной минуты. Вся Земля будет для меня мертвой пустыней, если я не буду тебя видеть каждый день, каждый час, каждое мгновение!

Она смотрела на него недоверчиво. Руки ее были на коленях.

– Юна! – говорил он яростно. – Все законы Вселенной – ничто, если мы не хотим разлучаться. Из неслыханной экспедиции я привезу домой величайшее сокровище Галактики! Ты пойдешь со мной?

Юна ответила просто:

– Да, Мрэк. Конечно же, я пойду за тобой всюду, куда бы ты ни шел. И в горе, и в радость пойду... И не спрошу, куда ты меня ведешь и зачем.

Он ткнулся головой в ее колени. Она погладила его по голове, и он ощутил несказанное облегчение. Груз ответственности, постоянное напряжение ушли куда-то, исчезли, растворились в простом прикосновении женских рук.

– Я пойду с тобой всюду... – повторила она тихо.

И вдруг он понял, что это значило для нее. Покинуть знакомый мир и оказаться в невообразимо сложном и страшном, полном непонятных механизмов, чужих людей и совершенно непонятных отношений обществе. И только одна ниточка будет связывать с новой жизнью. И эта нить – любовь!

– Юна, – заговорил он тихо, – мы с тобой окажемся в светлом мире. Ни в одной сказке нет таких чудес. Тебе будут служить сотни невидимых волшебников, ты будешь летать по воздуху, и цветы будут расцветать при твоём появлении. Все двери распахнутся при твоём приближении...

Они услышали грохот и лязг, который все усиливался.

Из кратера выползла огромная металлическая машина. Она напоминала тяжелый танк древних времен. Такой же корпус, гусеницы и даже башня из листов прочнейшей стали. Правда, вместо пушки торчали мощные титановые манипуляторы. Они бережно держали на весу массу розовых кристаллов, скрепленных каким-то хитрым способом.

Юна зябко повела плечами. Грохочущая гора металла неслась прямо на них. Она видела, что Мрэк пристально посмотрел на чудовище и что-то прошептал.

В следующее мгновение танк остановился как вкопанный. Манипуляторы дрогнули, пошли в сторону. Кристаллы поплыли по воздуху и были аккуратно уложены в траву. А манипуляторы почему-то продолжали что-то искать...

Юна вскрикнула от неожиданности. Машина протягивала ей цветы! Мощные манипуляторы из прочнейшей стали бережно держали хрупкие стебельки растений...

– Все машины будут служить тебе на Земле, – сказал Мрэк тихо.

– Да, Мрэк, – ответила Юна тоже тихо. – Если ты хочешь.

– А ты?

– Что я?

– Что хочешь ты?

– Ты же знаешь, Мрэк... Быть всегда с тобой. А где... разве это важно?

Мрэк повернулся к машине и что-то сказал негромко. Танк выронил цветы, быстро подхватил розовые кристаллы и скользнул с бугорка. Сверху было видно, как он, набирая скорость, несется к циклопическому сооружению на вершине горы.

– Не жалею о племени, – сказал он твердо. – Им предстоит тяжкая борьба за существование. Большой скачок они отвергли... Пусть пеняют на себя!

– Мрэк! – сказала Юна, не снимая рук с его затылка. – Я ведь иду с тобой в твой мир... Но не говори так о моих товарищах.

Вдруг он вспомнил все разговоры у костра, спор с Угрюмым, свое желание руководить, не объясняя мотивов... Конечно же, она теряла намного больше, чем он мог предположить.

– Юна! Простишь ли ты меня...

И такая самоотверженная душа идет за ним, теряя все. Отвергая все, только бы остаться с ним?..

– Юна!

Медленно будет карабкаться этот народ по спирали истории. Падать и скользить, скатываться вниз, гоняться за миражами, искать истину в тупиках противоречий... А он в это время будет наслаждаться благоустроенной жизнью землянина, упиваться мудростью старой и новой

цивилизации. Все двери распахнутся при его приближении... Сотни волшебников... Биотоки в быту.

– Юна, – сказал он хрипло. – Сейчас я покажу тебе зрелище, которое не увидит ни одна женщина во Вселенной.

– Что ты задумал? – спросила она тихо.

Она видела, как он вернулся к котловине и сумрачно сдвинул брови. На лбу у него пролегла складка, которой раньше не было.

И сразу ритм работ изменился. Черные массивные машины на мгновение замерли, потом задвигались не очень уверенно, словно не решаясь...

И сверкнуло пламя! Ослепительный луч вырвался из маленького прибора на длинных ножках, полоснул по ряду притихших гигантов, невзначай шваркнул по камням, и те сразу зашипели и оплавились. Из одной машины повалил густой черный дым.

На вершину, где стояли Юна и Мрэк, донесся взрыв, пахнуло серой и горелым маслом. Юна стояла спокойно, только очень крепко держалась за локоть Мрэкра.

Снизу донесся грохот. Маленький приборчик с режущим лучом смяли, в бой вступили самые тяжелые машины. Они полосовали друг друга спаренными лазерами, палили из протонометов, пускали в ход дезинтеграторы, стреляли сгустками антиматерии...

– Зачем ты так... – сказала Юна тихо. Она вопросительно смотрела на него.

– Так надо, – сказал Мрэк. – Ты же не хочешь, чтобы я стал богом? Даже для таких, как Га или Тэт? Никто в племени не готов к встрече с такими машинами. И еще сотни лет не будут готовы... А самое главное, я хочу, чтобы ты была уверена, что я никогда от тебя не уйду в тот сказочный мир, из которого пришел!

Он осторожно взял ее за руку и отвел в сторону. Черный дым все валил из кратера, сквозь сизые разрывы короткими вспышками полыхало багровое пламя. В этом крошечном аду само разрушались последние уцелевшие машины.

Он вдруг коротко засмеялся:

– Ирония судьбы... Чтобы остаться человеком, я превратился в жителя этой планеты. А сейчас, чтобы быть достойным своей прекрасной родины, я навсегда расстаюсь с мыслью ее увидеть...

Он ожидал ощутить горечь, готовился выдержать шквал сокрушительной тоски, но Юна прижалась к нему, и он ощутил, как бесследно растворяются все печали, уходит боль, очищаются тайники души. Впереди – жизнь...

Бесконечная дорога

Нам ли вымаливать милостей времени!

Мы —

каждый —

держим в своей пятерне

миров приводные ремни!

В.Маяковский, Облако в штанах

Когда утих надсадный рев двигателей, Роман с трудом поднял голову. Он лежал в углу штурманской рубки среди обломков противоперегрузочного кресла. По всему полу сверкали крохотные искорки разбитого стекла.

Он кое-как поднялся, его качнуло к стене. В глазах потемнело, замелькали темные бабочки, а в голове послышались тяжелые бухающие удары. Огромный кожух вычислительного комплекса зияет торичеллевой пустотой. Траектометр разбит вдребезги. Рация космической связи – вдрызг. Регенерационная установка – в щепки...

Внизу захрустело, словно он шел по кристаллам крупной соли. Посмотрел под ноги – невесело скривил рот. Вот ты где, энциклопедия навигаторских знаний... Белой мукой липнешь к подошвам космических сапог.

Перед внешним люком стоял недолго, выбор невелик. Либо задохнуться, как крыса в спертom воздухе, либо умереть от чужого, но успеть увидеть новый мир... Люк заклинило, как только корпус уцелел, но все-таки вышиб, ступил, покачиваясь от усталости, на трап. В грудь хлынула свежая волна прохладного резкого воздуха.

Ноздри жадно втягивали запахи трав и диковинных цветов, обостренное чутье услужливо указало направление, где наверняка озеро с пресной водой, с зелененькими лягушатами и крошечными рачками... Конечно, такого быть не может, это не Земля, но не мог отделаться от ощущения, что планета удивительно похожа даже не просто на землю, а на его родную Харьковскую область в районе заповедного Донца.

Корабль стоял на обширном лугу. Метрах в двухстах поодаль торчали пучки черных, похожих на нефтепроводы труб. Тесно прижатые друг к другу внизу, на вершине расходились, и странно было видеть там роскошный шатер крупных зеленых листьев.

Роман спустился по трапу, не чувствуя восторга, голова еще гудит от удара, вниз. Из-под ног прыгнул, трепеща яшмовыми крылышками, туземный кузнечик, испуганно пикнул маленький зверек и метнулся опрометью к ближайшей норке. Только и заметил Роман большие перепуганные глаза и тонкий мышинный хвостик.

Вблизи странные черные трубы оказались совсем громадными. В синем небе шелестели листья, гибкие стволы бесшумно, словно резиновые, покачивались. Их влажные маслянистые бока лоснились, будто начищенные сапоги, из пор выступали янтарные капли, играли на солнце блестками, подманивая насекомых.

Внезапно совсем близко послышались голоса. Со стороны чудовищного пучка растительных труб появились, словно вылезли из-под земли, странные, похожие на зеленых динозавриков существа. Они нерешительно шлепали по траве короткими толстыми ножками, почти утиными, на продолговатой голове нелепо выступали выпуклые красные глаза. В ярких зрачках светились испуг и недоумение, как показалось Роману, смешанные с острым любопытством.

Когда они безбоязненно подошли ближе, Роман, несмотря на боль в черепе и чувство страха и безнадежности, ощутил, что сердце запрыгало, как мартовский заяц. В кротких глазах маленьких динозавриков светится нечто, что Роман назвал бы разумом. И потому, что до крика жаждется встретить себе подобных, и потому, что в самом деле их мордочки кажутся хоть чуточку, да осмысленными. И пусть это не гипотетические Старшие Братья, на прилет

которых так уповают лентяи и бездари, но и просто разумной жизни еще не встретил никто из разведчиков сверхдальнего поиска!

Жизнь, да не просто жизнь, хотя уже редкость, не так уж и много таких планет найдено, а жизнь млекопитающих... да еще каких! Если в кротких глазах маленьких динозавриков не разум, то что? Правда, ему часто казалось, что собаки и лошади тоже разумны, только зачем-то скрывают...

Что за невезенье, пронеслось в мозгу рассерженное. Просто погибнуть – готов, космонавты знают, на что идут. Но есть ли мука выше, чем погибнуть, не успев сообщить о такой находке?

Они окружили его, попискивая, самый смелый рискнул пощупать застёжки на кованом поясе. Они едва достигали ему до середины груди, эти маленькие динозаврики с человеческими глазами и короткими ручками.

«Глаза, как у Ники Стоянова, – подумал Роман невольно. – Трагические глаза. А ноги словно тумбочки. Тяготение великовато, что ли?»

Вскоре все разбрелись, возле него остался только один. Динозаврик, которого Роман решил называть Нозавром, если не ошибся, что «но» на каком-то из старых языков значит «разум», тихо попискивал и смотрел ему прямо в лицо. Потом отошел в сторону, оглянулся, вопросительно пискнул.

– Иду, – сказал Роман. – Я могу это понять только как приглашение... Хотя бы потому, что мне так жаждется. А что на самом деле... Ладно, только бы не стоять на месте. Веди, Вергилий!

Нозавр медленно шлепал по траве смешными лапами. Желтые перепонки между пальцами комично раздвигались при каждом шаге. Роман неторопливо брел сзади, рассуждая вслух, дивясь и сожалея.

– Честно говоря, – продолжал Роман, – вас мало чем могу порадовать. Бусы, спирт, табак и прочие атрибуты первооткрывателя не захватил. Кто ж знал! Да и не Контактёр я... Даже ваш праздничный стол не смогу украсить. Отощал, сам видишь. Полет в гиперпространстве хоть кого измотает...

Он говорил и говорил, чтобы слышать человеческий голос – пусть свой собственный, – чтобы отгородиться от страшного одиночества. Разговаривал же он дома со своим песиком Гришей. Тот даже все понимал, хоть все равно не слушался. А то, что Нозавр понимает еще меньше Гриши, не беда. К счастью, у примитивных народов невелик словарный запас, долго с изучением возиться не придется. Если в самом деле они... ну хоть чуть развитее настоящих динозавриков.

– От моего корабля остались рожки да ножки, – говорил он в зеленую спину, двигающуюся впереди, – и все потому, что влетел в сферу влияния звезды-ловушки. Есть такие штуки в космосе, тяготение у них – дай боже, даже кванты света не могут убежать. Звезда-невидимка! Все топливо сжег, пока выбрался, на крохах дотянул до этой системы, а уж сел на вашу планету бог знает на чем... Вот и сел. Все в лепешку, одна голова уцелела. Да лучше бы топливо сохранил! Голова космонавту – зачем? Мы ж все еще проходим по военно-космическому ведомству...

Нозавр двигался медленно, и Роман успел рассказать о Земле, прекрасных людях, галактическом содружестве и трудностях в космосе. Выслушал Нозавр и лекцию о необходимости контакта Земли и Диксита, о дружбе и взаимопонимании, о мире и великом единстве всех разумных существ.

Луг сменился полосой желтого крупнозернистого песка, а еще дальше расстилалась спокойная гладь небольшого тихого озера. На горячем песке нежились две крупные ящерицы.

Нозавр громко квакнул, и пресмыкающиеся, торопливо шурша по песку кривыми лапами, умчались в сторону зеленых зарослей. Нозавр посмотрел им вслед и спокойно лег на песок, умиротворенно закрыв глаза.

– Э, приятель, – сказал Роман с недоумением, – я, конечно, понимаю: разница в образе жизни, мышлении и прочем, что уточнять не берусь, сам знаешь, о чем я, но зачем все-таки привел меня сюда?

Меньше всего на свете он ожидал услышать ответ, но из-под ног прозвучало:

– Ты можешь жить здесь. Живи здесь. Ты не умрешь здесь.

Он даже попятился, словно увидел перед собой черный силуэт кобры. Телепатия? Чушь, никакой телепатии на свете не существует. Или Нозавр сориентировался в хаосе чужих звуков и отыскал единственно нужные? Правда, и на Земле где-то в Андах существовало племя прирожденных лингвистов, которые в любых незнакомых языках легко находят эквиваленты, а ведь он довольно долго распинался о Великой Миссии Человека. Но все равно это странно и удивительно. А еще собирался изучать язык туземцев!

– Ладно, – сказал он, взяв себя в руки и решив не показывать удивления. – Существовать я могу. Но, чтобы жить, мне нужно хотя бы наладить передатчик связи. Если бы я умел считать быстро, как электронная машина, я бы это сделал!

Нозавр поднял свою утиную голову. Роман вдруг ощутил, что не может оторвать завороченного взгляда от спокойного пламени в круглых глазах. Все тело охватила слабость, руки и ноги онемели, но – странное дело – не упал. Вообще не мог пошевелиться. Под черепной коробкой стало горячо и больно, словно по обнаженному мозгу побежали огненные муравьи. На мгновение заныли зубы – и все разом прекратилось...

Нозавр спал на горячем песке, все четыре лапы разбросал в стороны. Роман тупо посмотрел на зеленую спину, прислушался к затихающей щеколке в глубинах мозга. Заболел? Очень некстати. Не хотелось бы подохнуть раньше времени. При благоприятных условиях мог бы за десяток лет вычислить направление луча, а для деталей передатчика разобрал бы и весь корабль. Но что делать, если и двадцать пять не удастся умножить в уме, например, на тридцать семь. Все делала электронная машина. Хотя... девятьсот двадцать пять. Гм... А если двести тридцать два на сто двадцать пять? Волосы встали дыбом, когда перед глазами сверкнула цифра: двадцать девять тысяч!

Он покосился на спящего, потрогал дрожащей рукой лоб. Ну и ну! Прошло несколько минут, прежде чем решился еще на одну попытку. Взял пятнадцатизначное число и моментально извлек кубический корень, а потом долго ползал по пляжу с прутиком в руках, проверяя полученный результат.

Когда сошлось и на этот раз, он с великим почтением и даже тревогой посмотрел на Нозавра. Ну и ну!

И в этот момент примчались с высоко задранными мордами обе ящерицы. В стиснутых челюстях болтались связки желтых, налитых солнцем плодов.

Роман растерянно смотрел, как к его ногам свалилось неожиданное богатство. Ящерицы благоразумно отползли подальше и снова разлеглись на песке. А он еще долго вертел плоды в руках, принимаясь к дразнящему запаху, пока не решился попробовать, а потом уже жрал как голодная свинья, обливаясь сладким соком, слизывая даже с локтей, – не до манер, он не из тех маньяков, что регулярно бреются даже на необитаемом острове.

К звездолету Роман бежал. В голове вертелись многоэтажные цифры, складывались, умножались и сам собой получался результат.

Остаток дня прошел в исступленных вычислениях. Даже не заметил, когда наступила ночь. Над головой запоздало щелкнуло уцелевшее реле, тускло засветилась маленькая лампочка. В открытый люк смотрели чужие равнодушные звезды. К утру половина расчетов была сделана. Труд, на выполнение которого раньше затратил бы добрый десяток лет!

Отчаянно зевая, вышел из ракеты. Со стороны черных трубообразных растений через весь луг к нему шел уже знакомый Нозавр. Рядом с ним скользил огромный варан с очередной связкой плодов.

– Спасибо! – сказал Роман. – И за эти... гм, апельсины, и за посильную помощь с вычислениями. Если бы можно было не спать... За пару часов, наверное, все бы закончил!

Нозавр долго молчал, потом его утиная пасть медленно разжалась:

– Ты можешь не спать, хомо.

Роман сладко зевнул, почесал в затылке.

– Как? – спросил он.

– Не спи, – последовал ответ.

И немногословный Нозавр, потеряв к нему всякий интерес, снова поплелся в сторону жаркого пляжа с желтым песком.

– Не спи, – пробормотал Роман. – Легко сказать! Сами небось дрыхнете двадцать три часа в сутки. Куда столько и влазит? Уши отоспите.

Он вернулся в каюту и снова сел за график. Как ни странно, но спать уже не хотелось. От работы он отрывался только дважды, чтобы всласть полакомиться удивительно сочными и вкусными плодами. Оставалось заполнить один листок, когда обнаружил, что не в состоянии разобрать цифр. Ночь подкралась незаметно, а лампочка не включилась. Иссякли последние крохи энергии...

Нозавра он отыскал возле озера. Тот крепко спал, Роман присел рядом и долго ждал, не решаясь будить. Наконец плотные роговые пластинки поползли вверх, на землянина глянули красные зрачки.

– Темно, – объяснил Роман. – Совсем немного осталось, но закончить не могу. Не вижу в темноте. Сделай что-нибудь.

– Скоро наступит утро, – сказал Нозавр тихо. – Ты все сделаешь.

– Ого, скоро! – возразил Роман, – Еще два часа грызть ногти!

Нозавр опустил голову, словно боялся встретиться взглядом с нетерпеливыми до бешенства глазами космонавта.

– Хомо... – прошептал он, – хомо... Иди.

Первые метры Роман прошел в полной темноте. А затем ощутил в затылке знакомое жжение, и мрак начал рассеиваться. Когда шел через луг, видел черных мохнатых мотыльков, осторожно переступал через изумрудных лягушек, обходил стороной ночные цветы. Он видел в темноте!

Вокруг ракеты жуки-светлячки затеяли хоровод. Роман легонько сковырнул с трапа маленького смельчака с фиолетовой спинкой, поднялся в каюту.

К утру закончил вычисления и собрал из запчастей одноразовый передатчик. Энергии в аккумуляторах хватит на короткий импульс-сигнал. Земля сообщение получит! А успеет или не успеет помощь, дело десятое...

Но странное дело: он, знавший лишь в общих чертах основные узлы корабля, теперь видел каждый болтик, чувствовал каждую неплотно привернутую гайку и с полной уверенностью мог сказать, где и что происходит в этот момент в сложном хитросплетении механизмов двигателя. И все время крепла неосознанная уверенность, что смог бы... ну, при каком-то толчке в спину или ниже, отремонтировать гравитационный двигатель и вернуться на Землю.

Он отыскал Нозавра на том же месте. Зеленокожий житель сидел на песке, поджав ноги, и задумчиво смотрел на ровную гладь озера.

– Слушай, мудрец! – крикнул Роман еще издали. – Я хочу вернуться на Землю! Помоги мне отремонтировать корабль!

– Попытаюсь, – сказал Нозавр.

Когда Роман, отойдя на несколько шагов, оглянулся, тот уже спал. Зеленые лапы размялись по песку.

Он вернулся в ракету и, не задумываясь, выбросил остатки вычислительной машины. Зачем она, если он считает быстрее и лучше? Затем выкатил из рубки в коридор и с наслаждением грохнул с трапа тяжелый локатор. Эта же судьба постигла траектометр и астрограф. Дорогу домой? Он найдет ее, как птица находит родное гнездо за тысячи километров!

Он чувствовал неясную перестройку в организме. Раньше и не снилось сдвинуть с места защитную плиту реактора, а теперь отшвырнул одной рукой! Со странной легкостью сгибал стальные полосы, рвал голыми руками толстые кабели, ударом кулака выломил стальную дверь аварийного отсека.

Затем приступил собственно к ремонту двигателя. Вернее, пришлось собирать заново. Некоторые детали сделал на месте: на лугу установил дуговую печь и бросил туда локатор – есть металл! Много пришлось работать со сварочным аппаратом, чего не любил и на учебных занятиях.

Через неделю, совершенно обессиленный, сполз по трапу, прошел несколько метров и рухнул в траву.

– Все!

Рядом зашелестели шаги. К нему подходил Нозавр. Раньше он, как помнил Роман, к кораблю приближаться не решался.

– Готово, – сообщил Роман, ощущая неловкость и сам не понимая ее причин.

Нозавр опустился рядом, поджал под себя ноги. Оба одновременно посмотрели на ракету.

Теперь она выглядела еще страшнее, чем до катастрофы. Пугающая пустота внутри, всего три индикатора – главной и вспомогательной тяги – и только один – ускорителя. Да, пожалуй, и они тут лишние. И без приборов понятно, что и где происходит в корабле. Из множества рукояток управления осталась только одна аварийная, две простого пилотажа и две планетарных двигателей. Корпус исполосовали безобразные швы сварки, искореженные дюзы выгнулись еще больше... Но именно эта форма предпочтительнее для полетов в подпространстве!

Он поднял массивный булыжник, подкинул, определяя вес. Потом резко сжал в кулаке. Гранитный обломок хрустнул и рассыпался красноватой пылью. «На Базе схожу к силомерам», – подумал рассеянно.

Он перевернулся на спину, засмотрелся на синее небо. Лицо оставалось хмурым.

– Ты не рад, Пришелец? – спросил Нозавр тихо.

– Рад. Через восемь месяцев буду на Земле. Но если бы не мучила мысль, что этот же путь можно проделать за две минуты! Что-то вертится в голове, мелькают обрывки мыслей о прерывистом пространстве, о гравитационных вихрях... Помогите!

– Я не знаю, о чем ты говоришь... Сделаешь сам или твои сородичи...

Он смотрел неподвижным взглядом прямо перед собой, роговые пластинки наполовину прикрыли красные глаза.

– Ты очень помог, – сказал Роман твердо. – Но знай: и Земля просто не может быть неблагодарной. Я хочу помочь вам. У вас тишь да гладь, птички поют, но чую нутром, не все ладно в вашем датском королевстве. Вот ты наделил меня многими чудесными свойствами...

Нозавр медленно повернул к нему зеленое лицо. Роман умолк, впервые увидев что-то вроде человеческой тоски в нечеловеческих глазах.

– Ничем я не наделил тебя, Пришелец... И ничем не мог наделить, потому что у меня нет того, что есть у тебя. Мы не так богаты, как вы... Все это было в тебе. Просто я расшевелил несколько бездействующих узлов в твоём мозгу... Но далеко не все... Вероятно, эволюция предназначила вас, хомо, для особо важных дел...

– Да, – сказал Роман уверенно. – Мы покорим пространство, достигнем самых дальних галактик...

– Я сказал «для особо важных дел», – сказал Нозавр тихо. – Пространство вы и так покорите... Но я ждал, когда ты заговоришь о помощи... Я и пришел за этим. У нас нет таких резервов, к тому же мы за миллионы лет где-то сбились с пути... Вы, молодые и сильные, можете помочь нам с вашими могучими машинами. А мы... ты знаешь...

– Спасибо, – сказал Роман. – От имени Земли... прости, что так высокопарно принимаю... еще как принимаю!.. и благодарю.

Он как наяву уже видел исполинские звездолеты могущественной Земли, которые с ревом опустятся на зеленые равнины, чтобы влить свежую кровь в древнюю, дряхлеющую цивилизацию.

– Спасибо, – повторил он.

Вскочил с мятой травы, переполненный гордостью за человечество.

– Пора.

Он вернулся в ракету, но пока готовился к взлету, легкая грусть расставания уступила место ликующей радости. Земля! И выпьют на Базе за его возвращение, и построят мощные звездолеты для прерывистого пространства, и узнают, в конце концов, что это за «особо важные дела», которые им предстоит совершить.

Здесь все проще и легче

Яростно взревели на форсаже двигатели, мелко-мелко затрясся пол – и все смолкло. Троль отстегнул ремни, легко вскочил.

– Ас, – сказал Макивчук одобрительно.

Третий член экипажа, курсант Медведев, которого пока попросту звали Женькой, еще барахтался в противоперегрузочном кресле, пытаясь выбраться. Троль отстегнул ему ремень, и у курсанта от стыда запылали уши: как старушке помог!

Макивчук подвигался в кресле, устраиваясь поудобнее. Троль отодвинул панель, открыл нишу, где висели три скафандра, три автомата, три ракетных ранца. Скафандр Макивчука был самым изношенным. Каждый миллиметр нес память о кипящей магме, микрометеоритах, силовых полях, стычках с чудовищами, авариях. Скафандр Троля выглядел получше, а Женькин просто сверкал, хотя курсант тайком сколупывал с него краску, придавая бывалый вид.

– Возьми с собой Женьку, – вдруг сказал Макивчук. – Пусть потешится. Все-таки у парня первый выход. Первый бал, так сказать.

Женька оторвался от экрана, глаза его радостно распахнулись, став размером с два блюда.

– Собирайся, – сказал Троль. – Собирайся, Наташа Ростова.

Курсант обиженно взмахнул длинными девичьими ресницами, но Троль уже нетерпеливо подтолкнул его к скафандрам.

– Минута на сборы! Быстро. Не забудь автомат.

Он подошел к скафандрам, повернулся раз, повернулся другой, и вот скафандр уже на нем. Застегнутый полностью, экипированный. А Женька опять поразил космонавтов каскадом беспорядочных движений, когда руки и ноги мелькают, как при ускоренной киносъемке, но в результате он завяз в пряжках, поясах, предохранителях, ноги сдавило, а в поясе раздулся, как аэростат.

Троль, досадливо морщась, дернул его за пояс, другой рукой врезал по шее, и курсант мигом оказался в скафандре. Пока он, раскрыв рот от возмущения, раздумывал: обидеться или поблагодарить за помощь, Троль ткнул пальцем в красную кнопку на пульте.

За стеной послышался вздох, медленно зашелестели невидимые механизмы. Заскрипело, завизжало, и Троль стал притопывать, изображая нетерпение, заговорил громко, пытаясь заглушить скрипы и старательно не замечая свирепый взгляд Макивчука – следить за исправностью и смазывать входило в его обязанности.

Макивчук сказал вдогонку:

– Далеко не забирайтесь. Место и здесь ничего, маяк воткнем быстро. И неподалеку, лишь бы уцелел при взлете. К обеду чтоб вернулись! Кстати, на обед опять хлорелла.

Последние слова произнес почти злобно. Даже чуть неловко стало за желание уколоть счастливых, которые могли разгуливать по чужой планете, а ему, капитану, приходится оставаться в корабле.

Он один ел хлореллу с аппетитом. Троль не терпел водоросли, а Женьке просто еще не опротивело самое привычное блюдо звездолетчика. Он готов был в случае чего глодать и сапоги, даже нахваливать, так восторженно относился ко всему, что происходило в космосе.

Люк распахнулся, они перешли в шлюз, подождали. Стрелка пошла к нулю, давление уравнилось, дверцы захлопнулись, теперь раздвинулись створки внешнего люка.

Корабль стоял на равнине, границы которой терялись в красноватом тумане. В разрывах иногда мелькали тени: не то движущиеся скалы, не то сгущения воздуха. По черной земле стремительно бежали потоки лавы. Красная, тяжелая, пышущая жаром, она разбегалась ручьями,

все время меняла русло... И тут Женька понял, что никакой лавы нет – тени, призрачные и удивительно объемные тени...

Над головой страшно грохнуло. Они одновременно задрали головы. В красном жестоком небе быстро двигались плотные массы. Сталкивались, слышался короткий страшный треск. На миг в красной лаве неба взрывался гейзер ни на что не похожей молнии: круглой, с мантией и длинными ослепительными отростками, похожей на чудовищного плазменного спрута.

И пока Женька стоял зачарованный, Троль хмыкнул и стал спускаться по лесенке. Красоты иных миров не трогали, вулканы и прочие напасти не пугали. На самые диковинные планеты опускался с таким видом, словно вышел из дома в булочную.

На нижней ступеньке он приостановился, крикнул:

– Эй, поэт! Уступаю честь первым ступить на неизведанную планету!

Женька кубарем скатился по лестнице. Троль пошел сзади, скептически посмеивался. Будет чем курсанту расхвастаться перед девчонками.

– Иди рядом, – предупредил он. – Планета выглядит мирной, но в нашем деле нужно быть начеку всегда.

У Женьки от счастья глаза вспыхнули, как фонари.

– Что-нибудь может случиться? – спросил он задыхающимся голосом.

– Может, – ответил Троль, – если ты...

Курсант споткнулся о невесть откуда взявшийся корень и позорно шлепнулся. Автомат полетел далеко в сторону, «корень» в панике метнулся в чащу.

– ...не будешь смотреть под ноги, – закончил Троль.

Пристыженный Женька отыскал автомат и пошел рядом со старшим товарищем. Под ногами шелестит трава. Самая обыкновенная, заурядная. Увидел бы на Земле, не обратил бы внимания. Но это же другая планета!

Они вышли из зоны тумана, и мир мгновенно стал иным. Ни скал, ни гор, они шли по равнине, за спиной остался корабль, а впереди зеленела роща. Отсюда выглядела как заурядный лес, земной лес.

– Заглянем туда, – сказал Троль, – и вернемся. Дадим возможность капитану похвастать луженым желудком. По-моему, он произошел не от обезьяны, хотя и здорово смахивает на гориллу средних размеров, а от крокодила. Те даже камни глотают и переваривают!

Чем ближе подходили к роще, тем больше разрасталась в размерах, наконец превратилась в скопище разновысоких и разновеликих растений, похожих на чудовищные стебли молочая. Широкие зазубренные листья загораживали проход, угрожали, бросали на землю странные зеленоватые тени.

В роще Троль шел как через разросшийся сорняк, брезгливо переступал через упавшие рыхлые стволы, небрежно отмахивался от ощупывающих усиков ползающих растений.

Женька двигался следом, замирая от восторга. Автомат держал подобно Яну – в одной руке, и мучился, что получается не так красиво и естественно, как у знаменитого аса.

Сказочный лес! Широкие листья, в которые и слона можно завернуть, толстые налитые соком стволы. Ткни пальцем – пробьешь! Шероховатая поверхность с длинными шелковистыми волосами, похожими на шерсть сибирской кошки, круглые ребристые плоды размером с футбольный мяч... Сказочный, причудливый мир!

Троль равнодушно шел через гигантский бурьян, запоминая, анализируя, раскладывая увиденное по полочкам в многоэтажном хранилище памяти. Все знакомо... А вот для курсанта море необычного. Впрочем, он и в подмосковном лесу заблудится, ибо станет гоняться за каждой бабочкой, ползать за каждым жуком...

Он оглянулся. Женька шел следом раскрасневшийся, одухотворенный по самые уши, которые светились как факелы. Глаза сияют, рот открыт.

– О чем замечтался, поэт?

Женька покраснел еще больше, опустил глаза.

– И наткнулись земляне на прекрасный замок, – сказал Тролль насмешливо и нараспев. – И жили в том дворце представители др-р-р-р-ревней цивилизации, и среди них – дочь престарелого Правителя звезд, прекрасная и несравненная...

Женька испуганно дернулся, спросил сразу охрипшим голосом:

– Ян... откуда ты знаешь? Мысли читаешь?

– Зачем, – сказал Тролль иронически. – Визуально, брат, визуально. У тебя и так все на рожице написано. Крупными буквами! Печатными.

– А-а-а, – протянул Женька, сразу успокаиваясь. На всякий случай он опустил голову, пряча глаза, и чуть приотстал. Все же не вытерпел, сказал мечтательно: – А было бы здорово... Наткнуться на древнюю цивилизацию...

– И чтоб в самый критический момент, – согласился Тролль очень серьезно. – Чтобы Верховный Правитель, умирая, успел передать ключи от... ладно, не от казны, но хотя бы от библиотеки с Сокровищами Знаний и показал, как ими пользоваться. Так?

– Ну, Ян...

– Увы, дружище. Мы облетели планету трижды.

– Ну и что? Беспилотные приборы могли ошибиться. К тому же необязательно строить заводы с километровыми трубами в небо. Тут могли избрать биологический путь развития.

– Придумай что-нибудь поновее.

Они шли через лес и Женька вовсю придумывал новое. К счастью для Женьки, Тролль пропускал мимо ушей, хотя в нужные моменты вовремя хмыкал, говорил: «Ух ты!» – и Женька расцветивал свои фантазии всеми мыслимыми и немыслимыми красками.

Тролль не слушал. Здесь, на этой планете, все проще. Как и на других планетах. Потому он и здесь, в космосе, в героическом Звездном флоте. Он помнил, почему, или, вернее, от чего ушел в космос. Догадывался, почему стал космическим волком Макивчук, почему прославленный капитан почти не бывает на Земле, почти не уходит в отпуск, да и тогда околачивается в Звездном флоте... Это Женька по дурусти да от избыточной молодости еще полагает, что космос – это героизм и прочее, работа для мужчин. Еще предстоит ему понять однажды, что космос – пристанище для неудачников, тихая пристань для не вписавшихся в бурную жизнь Земли – нервную, противоречивую, изматывающую. Космос, особенно Дальний Космос – для слабых... Для уползших с Земли зализывать раны.

Он резко остановился, взглянул на часы.

– Ого! Пора возвращаться. Наш повар в чине капитана уже колдует над клейстером. Надо бы съесть с аппетитом, вот он расстроится!

Он представил себе огорченное лицо Макивчука. Вот так, капитан, с аппетитом! А если еще и похвалить его стряпню?

– Совсем запечалится, – решил он. – Пошли обратно, поэт!

Женька послушно повернулся, потом спохватился:

– Постой! Вон цветы, прихвачу один для капитана.

– Нужны ему твои цветы, как... – сказал Тролль. – Давай, но только мигом!

Женька ухватил обеими руками облюбованный стебель. Чашечка цветка оказалась на уровне его груди. Троллю цветок показался зачуханным подсолнухом.

– Быстрее, – торопил он.

Женька отчаянно сражался с туземным растением. Жилистое, волокнистое, оно не давало свернуть себе голову, коричневый сок сразу же забрызгал руки и скафандр, на ноги живописно приклеились ободранные рассвирепевшим Женькой огромные листья.

– Ну, в чем дело? – осведомился Тролль нетерпеливо.

Курсант остервенело дергал измочаленный стебель, яростно сопел от стыда и злости. Не сорвать паршивый цветок? Речь идет о репутации!

Троль взирает на битву насмешливо. Эти с виду хрупкие растения бывают гибче шелковых ниток и прочнее легированной стали. Салажонок не знает. Что ж, убедится на опыте – лучше усвоит.

Вдруг в нескольких шагах впереди листья шевельнулись, стали раздвигаться. В руках у Троля мгновенно появился автомат. Женька, выпучив глаза, видел, как в образовавшемся просвете появилась... девушка! Настоящая, живая. И настолько прекрасная, что у Женьки сжалось сердце, и он до боли закусил губу. Нет, не для них такая одухотворенная красота, это для небес, для высших существ, а сюда попала случайно, он и смотреть на нее недостойн; она вся из солнечных лучей, из звезд и лунного света...

– Принцесса, – прошептал он, обмирая от счастья и нежности. – Принцесса...

Она медленно пошла к ним. Глаза ее смотрели пристально, изучающе. Огромные глаза, загадочные и немного печальные... А длинные золотые волосы падают почти до самой земли.

Измочаленный стебель выскользнул из ослабевших пальцев Женьки. Он ощутил, что деревянно шагнул ей навстречу. Троль нахмурился, дуло автомата смотрело в их сторону.

Она приближалась медленно, словно плыла. В звездных глазах появилась теплота, скажочно прекрасное лицо чуть изменилось, проступила радость, во взгляде при виде звездных пришельцев возникло изумление, которое тут же уступило место надежде...

– Мы с Земли... – сказал Женька.

Собственный голос показался ему грубым и отвратительным, скафандр – грязным, а себя он представил в виде страшной лохматой обезьяны. А девушка – существо из света и утренней росы...

Незнакомка подошла вплотную. Женька видел в ее глазах мрак, затаенную боль, тоску по угасшей древней цивилизации, но видел и надежду, что могучий Звездный Пришелец спасет ее народ.

– Мы это сделаем, – пообещал Женька хриплым голосом.

Она положила ему на плечи прекрасные руки и привлекла к себе. Обалдевший от счастья Женька видел краем глаза, что Троль шагнул быстро в сторону, словно намеревался держать их на прицеле.

И вдруг Женька ощутил резкую боль. Кости его затрещали, грудь сдавило так, что сердце остановилось. Колени подогнулись, и он бы упал, но руки – теперь уже превратившиеся в лапы – держали крепко. Прекрасное лицо теряло прежние очертания, тело незнакомки расплывалось и обволакивало курсанта.

Глухо пророкотал автомат. Женька почувствовал, что валится на землю. Сверху рухнуло тяжелое, больно придавило ноги. Над головой прогремел еще одиночный выстрел, и курсант ощутил, что его тянут за ногу.

Сильные руки подхватили, встряхнули.

– Цел?

– Вроде бы, – прошептал Женька.

Тело вопило от боли, словно побывало в объятиях чудовищного питона. Ребра при вздохах задевали одно за другое.

– Что это было? – спросил он.

Троль стоял спокойный и чуть грустный. Его широкие ладони по-прежнему крепко держали автомат, ноги расставлены на ширину плеч. Живое олицетворение космической мощи и мужества.

– Посмотри, – ответил он.

Женька, с трудом ворочая шеей, оглянулся. В двух шагах подрагивал в конвульсиях коричневый, слабо пульсирующий мешок. Гладкое тело блестело, как у раздувшегося дождевого червя. Медленно закрывался огромный – в треть туловища – красный перекошенный рот,

полный блестящих, как алмазы, и длинных, как ножи, загнутых зубов. Скользкую кожу прочерчивал ровный пунктир пулевых отверстий, из которых сочилась черная жидкость.

– Что это? – повторил Женька тихо.

– Хамелеон. Хищный хамелеон-пиявка. В регистр войдет, видимо, под названием Хамелеона Евгения Медведева обыкновенного. В смысле хамелеона обыкновенного, не тебя. Ты у нас существо уникальное! Говорили – не верил.

Он, не торопясь, принялся дозаряжать автомат, отыскал в траве оружие курсанта. Двигался он медленно, давая Женьке прийти в себя. Курсант слышал, как старший товарищ бормотал, нещадно перевирая слова, стих про дурака, который растранижил столько, что и не съест, но леди вдвое могла бы съесть, дурак на то дурак и есть...

Плечи курсанта вздрагивали. Троль стоял в сторонке, старательно очищал автомат друга от налипшей слизи.

Женька глотал слезы и, опустив голову, все тер шлем, не понимая, что слезы слезами, а сквозь правую сторону шлема в самом деле ничего не видно. Там расплылось большое матовое пятно.

– Троль...

– Ну и желудочный сок у этой твари! – восхитился Троль. – Да-а, леди вдвое могла бы съесть...

– Да что ты о желудочном соке, – сказал Женька тоскливо.

Его плечи снова затряслись. Троль подошел вплотную, его тяжелая пятерня опустилась на плечо курсанта. Женька ощутил тепло, идущее от ладони друга. Скафандры экранировали любые виды излучений, но Женька тепло все равно ощутил.

– Это мимикрия, – сказал Троль с сочувствием. – Не воображай невесть что. Разумом и не пахнет! Эта тварь уступает даже земным моллюскам. Где-то на уровне чуть ли не простейших... А чтобы заманить жертву, прикидывается наиболее привлекательным объектом. Понял? Эта тварь, видимо, умеет улавливать зрительные образы. Ты ведь такими представлял себе инопланетянок?

Женька с ужасом и отвращением смотрел под ноги. Губы дрожали, а слезы все бежали и бежали по щекам, оставляя блестящие дорожки.

– Ну и вкус у тебя, – сказал Троль. – Это же надо такое... А еще стихи пишешь. Идти сможешь?... Как там сказано: но дурак не приставил к виску ствола, впрочем, как вы и я, хотя жизнь ему не мила...

Женька отпустил руку от дерева, за которое цеплялся, его качнуло.

– Смогу, – сказал он. – А эта... это существо уже начало меня есть!.. Ян, я каждый раз тебе удивляюсь. Все тебе понятно, все объяснимо, все знакомо. Ты и с этими хамелеонами словно бы уже встречался?

– Встречался, – ответил Троль коротко.

Женька догнал, заглянул в лицо космонавта. Троль шел потемневший, глаза ушли под надбровные дуги, лицо окаменело, словно вспомнил и мгновенно пережил страшное время на другой, куда более трудной и нещадной планете.

– И ты... и ты... – пораженный Женька от обиды потерял голос и только шипел, как разъяренное земноводное, – не сказал?... Не предупредил?

– То было еще на Земле, – ответил Троль.

Слишком просто

Ян дважды выстрелил и прыгнул за раскаленный черный обломок скалы. Можно было бы воспользоваться паузой, пробежать еще с десяток метров, но он отчетливо слышал в наушниках шлемофона хрипкое дыхание Женьки Медведева: юный космонавт нес на спине потерявшего сознание Макивчука.

Ян выстрелил еще раз. Рогатая голова чудовища разлетелась вдребезги, но из-за гребня вынырнули еще два монстра и с ужасающей скоростью понеслись на космонавтов.

– Оставь нас, – послышался в наушниках тоскливый голос Женьки. – Ты еще успеешь добежать до ракеты... Я тебя прикрою огнем.

– Тихо, – хрипло ответил Троль. – Рожденный для виселицы в море не утонет. Это мне часто говаривала матушка, снаряжая в космос...

Он дал короткую очередь, отпрыгнул, пробежал несколько шагов. До корабля оставалось около километра. Этот километр показался Медведеву мегапарсеком. Целую вечность шел он через вселенную с металлической глыбой на плечах. Неистовый рев зверья, жуткий вой и хриплые крики проникали даже сквозь фильтры акустической защиты.

Корабль, однако, постепенно приближался. Наконец юный космонавт уперся в гладкую поверхность люка. Никогда еще так не хотелось свалить непомерную тяжесть с плеч, сесть и отдохнуть, но в затуманенном сознании фиксировались хлопки выстрелов, которые становились все реже и реже...

Ян Троль оглянулся, швырнул бесполезный автомат с пустым диском в пасть ближайшего чудовища и в несколько гигантских прыжков очутился возле открытого люка. Вскочил в корабль и захлопнул люк. Через секунду на корабль обрушилась многотонная тяжесть кремнийорганического чудовища.

Женька бессильно лежал рядом с капитаном. Троль мгновение постоял, прислонившись к стене, потом сказал ровным и спокойным голосом:

– Прибыли. Раздевайтесь и будьте как дома.

Он осторожно освободил Макивчука от доспехов. Женька вылез из скафандра и остался лежать на полу. От дикой усталости не было сил лишний раз шевельнуть пальцем. Троль похлопал его по плечу и подтолкнул к внутренним дверям. Иди, мол, отдохни. Я справлюсь сам. И каким только чудом он держится?

На следующий день Женька старательно деактивировал и дезинфицировал скафандры. Работа не из самых приятных, тем более после вчерашних ужасов. Женька с трудом ворочал скафандры повышенной защиты и хриплым голосом тянул старинную уральскую песню:

– Ой ты, дедушка, ты, медве-е-е-едушка-а-а-а,
Задери мою коровушку-у-у-у,
Опростай мою головушку-у-у-у,
Лучше в море-е-е быть уто-о-пимо-ому-у-у-у,
Чем на свете-е-е жить нелюбимому-у-у-у.

Динамик над головой произнес голосом Троля:

– Эй, Карузо, заканчивай и топай в общую каюту. Сбор. Капитан, видимо, решил устроить нам баню без деактивации.

В единственной просторной каюте уже находились Троль и Макивчук. У капитана была перевязана голова, под глазами темные круги, но выглядел относительно бодро.

– Садитесь, – сказал Макивчук тяжелым голосом, – разберем все по порядку.

Это относилось к Женьке. Тролль продолжал безмятежно вышагивать по каюте. Это у него называлось «мыслить». Словно он мыслил ногами, как одноног с планеты Смигла.

Женька послушно сел и положил руки на колени. Более чувствительный, чем совсем бесчувственный Тролль, у того одни железные мускулы и каменный лоб, он чувствовал, что капитан намерен сказать что-то очень серьезное.

Макивчук кивнул Яну, давая ему слово.

– Это зверье, – сказал Ян скучным голосом, – имеет уши, сравнимые разве что с плавающей печью. Я имею в виду солнечную плавильную печь. Они могут фокусировать лучи на расстоянии до ста метров. В фокусе температура достигает двух тысяч градусов. Естественно, что ничего подобного под нашим карликовым солнышком природа сотворить не могла.

Макивчук слушал внимательно, хотя все это знал и раньше. Женька заметил, что капитан с каким-то напряжением прислушивается к ровной интонации голоса космонавта, пристально всматривается в его скупые движения.

– ...Но в этот раз, – продолжал Тролль, – случилось редчайшее для этой планеты явление. Паршивенькое облачко закрыло солнце. Зверье, которое я предложил Макивчуку как первооткрывателю назвать своим именем, уже не могло воспользоваться преимуществом своих ушей-парусов. Во всяком случае, мы так думали. Но аборигены вдруг вспомнили про свои не совсем атрофированные зубы. Кстати, командор, почему ты отказываешься от предложенной чести? Специалисты даже букашек называют своими именами! Вот увидишь, что будет, когда они хлынут на эту планету!

– Как мы спаслись? – спросил Макивчук, не реагируя на шутку, если то была шутка.

Женька решил, что пришло время и ему дополнить рассказ о столкновении и бегстве.

– Они заревели, – сказал он, – как Горынычи! Вы и я упали. Ян начал стрелять. Потом я пришел в себя, а Ян кричит мне: «Бери капитана на холку и марш в корабль!» Я так и сделал. А Ян задерживал зверей.

– И опять Ян, – сказал Макивчук медленно, – неуязвимый Ян. Без его стойкости наши косточки остались бы белеть на этой планете...

Яну следовало бы приосаниться, но он продолжал скромно мерить шагами каюту.

– А на третьей Леникса? – сказал Макивчук так же медленно. – Помните сверхтуман?

Они помнили. У Женьки мороз пробежал по коже, когда он вспомнил их единственное приключение на той планете. Она вся была покрыта слоем облаков. Так казалось сверху. Но когда высадились и вышли на поверхность...

Всюду был туман. Причем настолько плотный, что они уже ничего не видели в двух миллиметрах от глаз. И этот мертвенно-белый туман не проводил ни радиоволн, ни обыкновенных криков. Они заблудились самым глупейшим образом. В трех шагах от корабля, и, сколько потом ни пытались вернуться, уходили все дальше. Не стоило, конечно, выходить всем вместе, но радиозонды показали полное отсутствие жизни на планете. Не было также вулканов и прочих возможных опасностей.

Самое страшное, что они потеряли и друг друга. Невозможно было даже представить весь ужас одиночества в этом белом безмолвии.

И тогда появился Ян. Он разыскал Женьку, потом Макивчука. Одному ему известными способами нашел дорогу и уверенно привел друзей прямо к люку. Оказалось, что они на самом деле ушли довольно далеко от корабля.

– Как ты в тот раз нашел дорогу? – спросил Макивчук. Он поправил повязку, чтобы лучше следить за шагающим космонавтом.

– Дорогу? – удивился Ян. – Разве я не говорил? Просто не обращал внимания на туман. Шел словно бы с закрытыми глазами. А часто и в самом деле закрывал. Ну, а микрорельеф под ногами... Я всегда помню, на что наступают мои ноги. Так и нашел дорогу. По следу.

Макивчук кивнул, но Женька чувствовал, что капитана это объяснение не удовлетворило.

– Хорошо, – сказал Макивчук. – Кстати, два дня назад ты порвал скафандр, когда сорвался со скалы на Черном плато. Но адская жара тебя не затронула...

Ян удивленно посмотрел ему в глаза.

– Ты словно бы не доволен, – сказал он. – Я упал разрывом вниз. Таким образом зажал дыру. А потом зарастил ткань.

– В полевых условиях? – Макивчук с сомнением покачал головой.

– В полевых условиях, – подтвердил Ян, – я единственный из всего выпуска, кто умеет это делать. Что ж делать, если у других руки не оттуда растут? Да и в мозгах лишь одна извилина, да и та прямая.

– Ладно, – сказал Макивчук, – а огненная жизнь Аида?

Троль с возрастающим удивлением посмотрел на капитана.

– Я ведь подробно все объяснял и раньше, – ответил он наконец.

Макивчук положил громадные ладони на стол. Плечи капитана напряглись, словно он готовился прыгнуть, опрокидывая стол.

– Все это очень убедительно, – сказал он, – но слишком много счастливых случайностей.

Он вдруг подался вперед и требовательно спросил:

– Скажи, Ян, ты человек?

Его глаза впились в дрогнувшее лицо Троля. Женька растерянно замер. Ян не человек? Не человек? Но кто же тогда?

– Ответ нам, – сказал Макивчук и, чуть помедлив, добавил: – Конечно, если можешь.

Лицо Яна чуть ли не впервые за все время полета выразило крайнюю степень растерянности. Он хлопал глазами, такими синими и безмятежными, смотрел на капитана, словно на привидение.

– Да вы что? – сказал он наконец. – Взбесились? Кто же я тогда?

– Не знаю, – сказал Макивчук четко, – но знать хотел бы.

До Женьки наконец дошло.

– Не человек... – сказал он с тихим ужасом. – Не че... Тогда он – агент чужой цивилизации! Способный принимать человеческий облик. Чтобы все у нас высмотреть, собрать информацию!

Троль уже справился с растерянностью и засмеялся. Но в его смехе едва заметной ноткой проскользнула тревога

– Значит, я шпион? – спросил он. – Лазутчик? Этот... Локкарт, Лоуренс, Мата Хари?

– Мата Хари была женщиной, – поправил Макивчук привычно, но тут же спохватился: – Хотя кто знает... это земные мерки. Есть ли у вас вообще разделение...

– Спасибо, – сказал Троль.

Он уже полностью овладел собой и с любопытством смотрел на товарищей. А они с каждой минутой теряли уверенность.

– Я же не говорю, – сказал Макивчук почти просительно, – что ты агент именно враждебной по отношению к нам цивилизации. Ты нас выручал не единожды из довольно критических положений. Все это говорит в твою пользу. Правда, враги тоже могут помочь... Из тактических соображений. Все может быть. Возможно, вы совершенно равнодушны к нам и изучаете из простого любопытства. Мы вряд ли что-нибудь узнаем, если ты не захочешь помочь нам. Ну, не выкручивать же тебе руки!

– В этом случае я сверхчеловек? – спросил Троль с интересом. – Ничего себе. Бетмен? Человек-факел? Человек-щит?

– Но согласись, – сказал Макивчук, – другой бы погиб и в более простой ситуации.

Троль внимательно смотрел на товарищей, и лицо его становилось все печальнее и печальнее. Невозможно было представить, чтобы у железного Яна было такое скорбное лицо. Именно скорбное. Даже от всей крупной атлетической фигуры вдруг повеяло неясным трагизмом.

Женька ощутил, как смутная печаль стискивает сердце.

– Что с тобой, Ян?

– Хорошо, – сказал Троль, – я вам кое-что расскажу. Только придется вас разочаровать, особенно Женьку. Нет никакого агента таинственной цивилизации. Нет, как бы вам этого ни хотелось. Все гораздо проще... и сложнее...

Он стоял подле стены так, что лицо его оставалось в тени. Могучие руки были скрещены на широкой груди.

– Все не так, – сказал он с горечью. – Все не так... Но если вы бывали в моих краях, то слышали старинную легенду: пока девушка верна своему избраннику – с ним ничего не случится. Несчастья будут обходить его стороной. Так вот, у самого Балтийского моря живет Эльза... Ясно? И не говорите мне о псиполе, телекинезе, внечувственной связи через нуль-пространство. Я не хочу слышать об этой псевдонаучной белиберде. Я знаю, что меня хранит, ясно?

Женька сидел, раскрыв рот. Он с готовностью поверил бы в агента звездной цивилизации, в машину времени и во что угодно, но чтобы Ян каким-то образом был связан с женщиной...

– Гм, – сказал Макивчук. У него было очень растерянное лицо. – Да, вот такие-то дела...

Видно было, что он ищет и не находит нужных слов, начал ерзать, словно пытался нащупать несуществующий гвоздь, зацепить его за шляпку и вытащить. Лицо его болезненно перекошилось, словно уже тащил.

– Но вдруг она выйдет замуж! – воскликнул Женька. – Любовь – это же такая тонкая ниточка!

Ему вдруг страстно захотелось помочь другу, пусть он даже агент внезвездной цивилизации, пусть даже внегалактической. Троль с тем же каменным лицом, но потемневшим, обронил глухим голосом:

– Она вышла замуж.

Женька замер. Потом, не получив от растерянного Макивчука поддержки (тоже мне всезнающий капитан, отец родной), спросил с надеждой:

– Тогда эта любовь... ни при чем?..

– Именно при том, – ответил Троль. Лицо у него оставалось, как из гранита, а голос безжизненным, словно в самом деле у агента иной цивилизации, учившего язык в харьковских школах.

– Не понимаю, – сказал Женька растерянно, – если же она вышла замуж...

– Ничего, – сказал Троль ободряюще, – ты еще вырастешь, возможно.

Женька сидел с выпученными глазами, а Ян смотрел сквозь него. Что сказать салажонку? Придет время, сам поймет. Что такое любовь и что такое верность. И какая она бывает. А пока это все для него пустые слова. Вот Макивчук может понять... И что это за нить, если на ней держится так много, и почему человечество все еще доверяет этой нити. И во что превратится мир, если вдруг убрать эту нить.

– Прости, – сказал Макивчук, – тебе, должно быть, больно вспоминать, а мы тут ковыряемся в ране. Я ничего этого не знал, хотя как командир должен быть в курсе дела. Ведь речь идет о состоянии духа моих людей. Если тебе не трудно... Кто она?

– Как тебе сказать... Нормальная умная женщина. Красивая. Если бы я не мучил ее мелочной ревностью, то мы бы поженились. Мне, привыкшему к одиночеству космоса, всегда казалось, что она слишком вольно ведет себя в обществе своих молодых друзей. Потом она

вышла замуж. Говорят, у нее хороший муж. Я однажды видел его. Довольно умное лицо, чисто выбрит, опрятно одет, воспитан. Занимается лазерами.

– А если она, – спросил Женька, – и любить перестанет?

Троль пожал плечами. Сквозь полумрак, словно молния, сверкнули ровные белые зубы.

– Спой лучше свою песню! – сказал он.

Женька напряженно наморщил лоб. При чем тут песня? Тут не до песен, когда твое существование висит на ниточке. И вдруг понял, о чем говорит Троль. «Лучше в море быть утопимому...» Да-а. Если это в самом деле так, то понятно, почему иные предпочитают быть растерзанными зверьем. Будь это в Колизее или на дальней планете. Ромео с изменившей ему Джульеттой, Тахир без Зухры, Меджнун, разлученный навек со своей Лейлой... Тристан, чья Изольда вдруг перенесла бы любовь и верность на короля Марка, своего мужа... Нет уж, он ни за что никогда не влюбится! Разве что в эти черные глубины космоса с далекими звездами.

Вдруг Троль отделился от стены и уверенными шагами пересек каюту по направлению к пульта. Лицо его прояснилось.

– Что же вы приуныли? – сказал он весело. – Эх вы! Детективы! Агент инозвездной цивилизации! Надо же такое придумать. Нет, мои дорогие друзья... Это было бы слишком просто.

Он положил стальные ладони на пульт, и сразу загудели двигатели. Корабль-разведчик ринулся в пространство.

След человека

Ракета-зонд донесла о наличии разумных существ на четвертой планете Телекана. Макивчук, Ян и Женька понабивали себе шишки, стучаясь головами, когда рассматривали крошечную фотографию примитивных построек.

Не спрашивая разрешения командира, Ян сразу же изменил курс и бросил корабль к планете. Макивчук посмотрел на его широкую спину с немалым сомнением, на которое имел основания. Три дня назад Ян сильно расшиб себе голову и руку, когда на третьей планете сверзился вверх тормашками со скалы на камни, а оттуда в глубокую расщелину, чтобы успеть оттащить Женьку от потока наступающей лавы. Юный разведчик вообразил, вероятно, что находится в иллюзии Центрального парка и, раскрыв рот от восторга, созерцал приближающийся огненный вал. Возможно, даже сочинял стихи. Когда позади него разверзлась трещина размером с Дарьяльское ущелье, то Женька, конечно же, угодила в нее.

Ян проявил тогда чудеса ловкости и отваги, а выбравшись со злополучным поэтом наверх, увидел, что лава ушла в сторону.

В результате они имели нагоняй от Макивчука за ротозейство, а скафандры стали алыми, их запорошило пылью так и несобранных цветов, за которыми карабкались к жерлу вулкана. Макивчук, большой любитель латыни, назвал эти цветы дециллионусами: к тому времени у него уже иссякла фантазия и приходилось вводить в бой числительные.

Их прижало к стене: Ян ввел корабль в верхние слои атмосферы и закрутил спираль вокруг планеты. Очень крутую спираль. Макивчук придирчиво оглядел товарищей и махнул рукой. Дебаты разводить не приходилось, одно из преимуществ малого экипажа – быстро принимаются решения. Ян и Женька считают себя отдохнувшими, он вообще не выходил из корабля – трижды проклятая обязанность капитана, значит, не стоит затягивать встречу с братьями по разуму. К тому же Яна не зря называют железным, а Женька... что ж, у молодежи силы восстанавливаются быстро.

Сразу же после посадки Ян и Женька бросились в переходной шлюз. Там висели три легких скафандра и три с повышенной защитой. Условия на планете почти соответствовали среднему поясу Земли и можно было бы ограничиться простым респиратором, но ведь предстояла встреча с разумом...

Ян натянул на себя непробиваемую нейтральную ткань. Одевался он медленно, словно нехотя, но затратил на этот несложный процесс втрое меньше времени, чем Женька. Макивчук, ворча без всякой причины, открыл им попеременно все люки в длинном коридоре. Женька помчался вперед, лишь на трапе Ян придержал, огляделся, весь как сжатая пружина, отпустил курсанта первым – для того еще важно первым ступить на незнакомую планету.

А потом они двинулись к замеченному поселку. Навстречу на окраину селения начали сбегаться жители. Ян подумал с немалым удивлением, насколько же все похоже: словно приехал на побывку в свое маленькое село, где прошло детство.

- Гуманоиды! – в восторге прошептал Женька. – Вот это удача!
- Какая удача? – ответил Ян шепотом. – Лучше бы разумные крокодилы...
- Почему?
- Не такие кровожадные...

Местные жители были низкорослым народом. В первую очередь космонавты невольно обратили внимание на громадный, в половину лица нос. Больше ничего особенно рассмотреть не успели: жители внезапно заволновались, ряды их колыхнулись, и вдруг все попятились, а потом и вовсе обратились в бегство.

Ян и Женька застыли, будто замороженные в глыбу льда. Любые неожиданности контакта, любые выверты и причуды – о каких только случаях не узнали на лекциях, а еще больше – от бывалых звездолетчиков, но чтобы вот так сразу...

– Это тебя испугались, – предположил Тролль.

– Почему меня?

– Решили, что стихи читать будешь.

– Ян, тебе все шуточки...

– А что еще остается? Надо возвращаться...

– Ян... Давай чуточку пройдем еще. Смотри, какие носы! Длиннее даже, чем у тебя нижняя челюсть. Значит, они мир воспринимают больше запахами, чем зрением или звуками.

– Ну и что? У меня Бобик так воспринимает... И ничего, от меня не прячется. Даже тебя переносит.

– Ян, а вдруг они уловили какой-нибудь гадкий запах от скафандров? Я так и не продезинфицировал тогда...

Ян не поверил ушам:

– Как? Да там все на автоматике!

– Автоматика разладилась. А я починить не успел...

Ян смерил его недобрым взглядом. Женька сжался в комок, Ян может и кулаком между ушей, но услышал только горестный вздох:

– За что нам такое наказание?... Ладно, пошли. Теперь уже поздно чиститься. Да и, скорее всего, просто бояться двух гигантов в железе. Пусть увидят, что ничего не трогаем. Может быть, успокоятся.

Селение встретило их настороженной тишиной. И вдруг пронзительный крик заставил обоих вздрогнуть: оглушительно хлопая крыльями, из-за домов взмывали пестрые птицы и стремительно уносились прочь. Через мгновение из сараев стали выскакивать крупные животные и, обрывая веревки, удирать из поселка. Из окон домов выпрыгивали маленькие зверьки и убегали в панике. Ящерицы и пауки – все покидало свои норки и несло, прыгало, катилось, ползло в неизъяснимом страхе из селения. Стены домов заблестели, замерцали, заискрились – сплошь покрытые яркими насекомыми, а те часто-часто взмахивали крылышками, ползли вверх и торопливо взлетали.

Ян стоял белый как полотно. И медленно до сознания доходила простая и страшная истина: несовместимость. Животным миром овладел панический ужас потому, что они угадали Чужую Жизнь, более чужую, чем самые лютые хищники. И холодный, не рассуждающий ужас неизбежно должен был овладеть существами, подчиненными законам разных эволюций.

– Почему тогда мы не чувствуем страха и отвращения? – прошептал Женька. Его мысль так же мучительно искала выхода. – Разум должен взять верх над инстинктами...

– И это говорит поэт?

– А что тебе поэт?

– Да ладно...

Через раскрытую дверь обширного каменного строения, единственного каменного во всем селении, Ян увидел три жарких костра и между ними ярко-красный цветок на голубом стебле. Если бы Ян не был так подавлен неудачной попыткой контакта, он бы обрадовался встрече со старым знакомым – дециллионусом, сейчас же только механически отметил костры как попытку создать дециллионусу условия, идентичные родным, на третьей планете. Вероятно, там вулканы забрасывают споры в самые верхние слои атмосферы, а солнечное давление разносит их по всей солнечной системе. Часть спор постоянно попадала на соседнюю планету, конечно, прижиться могли только возле жерла действующих вулканов, там налицо все компоненты родного климата: адская жара и серные испарения.

– Представляю, сколько смельчаков должно погибнуть, пока достанут хоть один цветок, – прошептал Женька.

Ян кивнул. Он уже понял назначение четырехугольных камней, что теснились вокруг дециллионуса: местные жители в самом деле руководствовались обонянием, цветок же источал жесточайшие фитонциды, убивающие болезнетворных микробов. Камни служили сиденьями, а все каменное сооружение было лечебницей. Больные располагались вокруг дециллионуса и вдыхали его аромат.

– Пошли, – сказал Ян с горечью, – еще подумают, что мы хотим забрать их святыню.

– Конечно, ради такого могли прилететь откуда угодно...

Макивчук хмуро выслушал, лицо его потемнело. Космонавты с надеждой смотрели на бывшего капитана, что-то да придумает, но Макивчук стал готовить корабль к старту. Женька подивился его самообладанию. Макивчук как никто другой мечтал установить контакт с братьями по разуму и вот теперь так просто отказывался от дальнейших попыток. И только уже среди ночи, так и не сомкнув глаз, с тоской понял, что без тщательной подготовки новой экспедиции здесь нельзя будет и шагу ступить, если не хочешь наломать дров. Нужны специалисты, нужны ольфактоники...

Под утро странно измененный голос Яна хлестнул его по ушам:

– Все сюда! Скорее!

Женька и Макивчук вылетели из постелей. Уже одетый, а может, он и не раздевался, Ян стоял возле иллюминатора. Макивчук оттолкнул его и замер. И понял!

Ночью прошел дождь. Глубокие следы землян наполнились водой, почти из каждого теперь гордо поднимался дециллионус. Огненный Цветок, цветок здоровья и силы, святыня и драгоценность! Смазка и ничтожное количество химических веществ скафандра послужили сильнейшим стимулятором, поэтому споры, прилипшие к скафандру еще на третьей планете, развились во взрослое растение за одну ночь.

– След бледнолицего, – прошептал зачарованно Женька. – Так индейцы называли одуванчик, его в Америку занесли на своих сапогах солдаты Кортеса.

– Надеюсь, они теперь изменят свое мнение о человеке, – сказал Ян тем же странным голосом. Макивчук и Женька с огромным изумлением воззрились на него. Железный Ян, человек, который не смеется, улыбался до самых ушей. И это его нисколько не портило.

Грозная планета

*Я
с ношей моей
иду,
спотыкаюсь,
ползу
дальше
на север...*

В. Маяковский. Владимир Маяковский

Огромный серый спрут отчаянно пытался выбраться из-под железной платформы. Пара тонких щупалец очень медленно, словно в замедленной съемке, выползла из-под металла, неуверенно покачалась в воздухе, потом ухватила за край покореженной решетки и попыталась поднять ее. Получилось еще хуже. Тяжелое сооружение повалилось на одну сторону и сплющило щупальца друг о друга.

Острые колючки впивались в лицо все сильнее. Женька сцепил зубы и чуть приподнял голову. И сразу что-то взорвалось в затылке, в пересохший рот хлынула соленая жидкость, в глазах потемнело.

В двух шагах колыхалась, стоя на кончике хвоста, толстая зеленая змея. Капюшон у нее раздулся, скользкая холодная кожа равнодушно поблескивала под лучами огромного красного солнца. Женька застонал и опустил голову на окровавленные колючки. С разбитой головой и сломанной рукой трудно отбиться даже от воробья.

Но змея почему-то не нападала. Женька с трудом разлепил опухшие веки, осторожно искал глазами покачивающийся силуэт. Змея раскачивалась на прежнем месте, мокрые чешуйки все так же отражали красный свет заходящего сверхгиганта. Глаз у нее не оказалось. Устрашающая пасть тоже отсутствовала. И вообще это была не змея, а чешуйчатый стебель с безобидной метелкой.

Это поразило настолько, что он снова приподнял голову и посмотрел на изнемогающего спрута-гиганта. В глазах стоял красный туман, вспыхивали бенгальские искры, но увиденного оказалось достаточно, чтобы растянуть окровавленные губы в невеселой гримасе-улыбке.

Дерево боролось отчаянно. По серым ветвям ползли утолщения, похожие на бицепсы, из жирной почвы выползали белесые корни и тоже принимали на себя тяжесть, но все было напрасно. Тяжелый вертолет всей тяжестью плющил, ломал, коверкал, давил, крушил тонкие ветви...

Женька задержал дыхание и, опираясь на здоровую руку, сел. Местность несколько раз качнулась, потом головокружение стихло, остался только навязчивый звон в ушах. Он сидел на сырой, словно после обильного дождя почве.

За изнемогающим в схватке деревом возвышалась массивная скала, изрезанная сверху донизу глубокими трещинами. Вершину покрывали красные и желтые лишай, в темных расщелинах светился нездоровым фосфорическим блеском зеленый мох. Где-то у подножия журчал ручей, но за разбитым вертолетом воды не видно, только тянет свежей струей прохладного воздуха.

Вдруг что-то острое кольнуло в запястье. Он отдернул руку, затряс с отвращением. Большая сизая сороконожка вцепилась в кисть и быстро, с остервенением рвала кожу кривыми зубастыми челюстями. Из ранки выступила кровь, побежала по бледной коже, смывая мокрое суставчатое тело.

Он поспешно стряхнул отвратительную тварь, отшвырнул слабой рукой. Запястье ныло, под онемевшей кожей быстро вздувался бугорок. Попадись этим крошечным хищникам!

Земля под ним была багровой и липкой. Она чуть дымилась, в перегретом влажном воздухе чувствовался сладковатый привкус. Правый рукав пропитался теплой кровью и потяжелел. Но даже в этом состоянии он мог бы довести вертолет до корабля. Исправный вертолет. А до восхода белого карлика осталось всего два часа. И только толстые стены звездолета могут укрыть от смертоносного жесткого излучения.

Он собрался с силами, подобрал ноги и медленно, как на гидравлических поршнях, поднимал тяжелое тело. В глазах снова замелькали огоньки, но теперь он был настороже и пересилил слабость.

Так вот, Макивчук и неустрашимый Ян. Хоть в одном, но опередил вас. Первая могила! Правда, безымянная. Легче найти иголку в стоге сена, чем его кости в дремучих лесах этой грозной планеты.

Женька тяжело сделал первый шаг к вертолету, изо всех сил стараясь не упасть по дороге. Ветви лопались одна за другой, слышался слабый хруст и шлепанье густых капель. Вертолет оседал все ниже.

Женька подошел вплотную, с трудом согнулся, подставил здоровое плечо под блестящее днище. Холодный металл ожег тело приятной болью. Рядом хрустели ветви, на сапоги брызгал теплый липкий сок. С каждым мгновением тяжесть прижимала, ломала спину. Он стиснул челюсти, напрягся изо всех сил, как домкрат, поднимал на спине невероятную тяжесть, а рядом шелестели освобожденные ветви.

Вдруг рот наполнился горячей кровью. Женька механически выплюнул соленую струйку и тут же из последних сил рванул платформу вверх и в сторону. В глазах потемнело, поплыли красные круги. Он потерял равновесие и упал вслед за скользнувшей тяжестью в грохочущую темноту. И падал очень долго.

Едва открыв глаза, он сразу посмотрел на огромное, в половину неба, красное солнце. Оно висело над самым горизонтом. Значит, в беспмятстве пролежал минут десять-пятнадцать. Не так уж и много, если принять во внимание состояние после катастрофы.

В трех шагах среди толстых листьев лежал тяжелый автомат. Он машинально нагнулся, подцепил здоровой рукой потертый ремень и обогнул дерево, волоча по мокрым растениям отполированное ложе.

Скала, исполосованная расщелинами, грозно нависала над робкой струйкой воды, что нерешительно пробиралась между коричневых валунов. Очевидно, уровень наносов в старом русле достиг критической точки, русло засорилось и вода только что начала искать новый, более удобный путь.

Женька проследил взглядом за водой-разведчиком и сразу увидел неладное. Чуть дальше, у основания скалы, возвышался белый, как сахарная голова, огромный купол. Шеледящая масса отвратительных насекомых сновала тут же, многие тащили еще живых насекомых. Одна, особенно крупная тварь, похожая на двухдюймовую сколопендру, волокла к своему муравейнику серую мышь с бессильно обвисшими лапками.

Первая струйка воды подобралась к куполу, попыталась обогнуть, но быстро нащупала ходы, ведущие вниз, и радостно устремилась в подземные галереи, склады, камеры личинок и куколок...

Сороконожки как по команде бросили добычу, ринулись к воде, хватая крепкими челюстями щепочки, сухие травинки, комочки земли. Некоторые сами прыгали в холодный поток, но тот становился все мощнее и увереннее. Их выбрасывало на берег, если не успевали вовремя вскарабкаться на стену купола, смывало вниз. Через сотни отверстий из муравейника в панике выскакивали ошалелые сизые тельца, карабкались на вершину, сталкивались, падали в мутную холодную воду, которая уносила их в черные дыры подземелья. Некоторые выволакивали мокрые тела личинок и лезли с ними вверх по скале под теплые лучи заходящего солнца. Группа

сороконожек бросилась к растущим поблизости растениям, дружно подсекла стебли острыми жвалами и ринулась наперерез воде...

Как бы поступил Ян?

Женька словно наяву увидел богатырскую фигуру старшего друга. Острый взгляд беспощадно синих, как небо, глаз, черный ствол автомата, лежащий на сгибе согнутой руки, мужественное лицо героя... Мгновение – и раскаленный шнур ослепительной плазмы протянулся бы к скопищу отвратительных тварей! Дым, чад, треск – и куча безопасного пепла на месте миллиона крошечных врагов...

Он поднял автомат, неловко прижал отполированный приклад к левому плечу, прошел несколько шагов вверх по течению. Именно здесь скала нависала над водой. Он выбрал место, тщательно прицелился... Грохот, пыль, над головой свистнули осколки щебня. Стоило бы укрыться, но чувствовал себя слишком слабым, чтобы стараться отсрочить гибель.

Он дал еще одну очередь тяжелыми пулями. Целая стена гранита подалась вперед, по основанию пробежала трещина, посыпались огромные глыбы. Они плюхались в жалкую струйку воды и загораживали ей путь. Почва задрожала от тяжелых ударов. Затем рухнула вся стена. Над местом, где пробивался ручеек, взметнулась туча пыли и мелкого щебня.

Он бессильно уронил на камни автомат, побрел назад. Что сказал бы Ян, узнав, что он спас от гибели злобных сороконожек и бросил оружие?

Скалу пришлось обходить с другой стороны, так как дорогу к изувеченному вертолету загрозила импровизированная плотина. Но как бы ни пришлось пробираться, все равно надо встретить восход смертоносного белого карлика возле родной машины, единственной частички далекой Земли...

Ему пришлось пройти мимо болотца, на краю которого топталось целое стадо единорогов. С этими живыми бронированными танками пришлось столкнуться в первый же день. Только мгновенная реакция Яна спасла в тот раз от страшного удара атакующего зверя. Единороги пугались своей универсальностью. Подобно буйволам, могли мирно пастись на зеленой травке, затем вдруг в крошечном мозгу пробуждался плотоядный инстинкт, и все живое убегало от них в горы, пряталось в норах, зарывалось в землю. Собственно, в родной уссурийской тайге тоже обитает подобный зверь, который охотно пасется на ягодах и молодых побегах, а попутно задирает оленя или лося. Но единорог к тому же обладал массой исполинского носорога, стремительностью оленя и кошачьей легкостью в прыжках.

Женька покосился на красное светило, которое до половины погрузилось за горизонт, горько усмехнулся и пошел прямо. Какая разница?

Единороги, не обращая на него внимания, спокойно топтались возле самой воды. Два чудовища вошли в теплую жижу по брюхо и протяжно ревели, старательно вытягивая короткие мускулистые шеи. Посреди болотца барахтались два толстых, похожих на упитанных поросят детеныша. Оба верещали тонкими голосами, не понимая, почему знакомая теплая лужа вдруг стала непроходимой и откуда берется холодная чистая вода.

Ну вот и эти... Похоже, что сегодня наступил день непривычных дел. Непротивление злу насилием. Единорог на нас с рогами, а я спасу детенышей.

Жидкая грязь чавкала и цепко держала ноги, он плакал от боли в сломанной руке и судорожно хватался за плавающие растения здоровой кистью. Детеныши замерли при его появлении и смотрели круглыми сумасшедшими глазами, но разом завизжали истошными голосами, едва он приблизился вплотную.

Единороги заволновались, сделали попытку войти в страшную воду. Женька сунул здоровую руку по плечо в грязь и подхватил круглое увесистое тельце под брюхо. Детеныш дернулся, забил лапами.

Наконец удалось подтянуть его к берегу и вытолкнуть на твердый грунт. Зато со вторым пришлось повозиться больше. Он вопил и не давался в руки, а сам с каждым мгновением

погружался все глубже и глубже. Вконец измучившись, ощущая, что вот-вот останется в болоте навеки, Женька подтащил перепуганного толстячка к земле и упал в грязь, упираясь в круглый зад маленького животного.

Он успел увидеть, что единороги принялись вылизывать спасенных, и тут потерял сознание.

Холодная вода, прибывающая из ручья, привела в чувство через несколько минут. В полузабытии, на подкашивающихся ногах он выбрался из болота.

Выпуклый металлический бок вертолета поблескивал красноватым светом уходящего за горизонт сверхгиганта, но к пурпуру уже примешивался странный зловещий отблеск. С противоположной стороны небо окрасилось в беспощадный плазменный цвет: через несколько минут покажется властелин смерти – белый карлик.

Женька не дошел до вертолета всего несколько шагов. Потеря крови и слабость сделали свое дело. Он рухнул вниз лицом и потерял сознание.

Он уже не видел, что дерево, привлеченное запахом крови, потянуло к нему корявые ветви. Из влажной рыхлой почвы медленно выползли бледные корни и тоже потянулись к упавшему космонавту. Они извивались в воздухе, словно змеи, выбирающие жертву, снова зарывались в теплую мокрую землю, но все ближе и ближе к неподвижному человеку.

В это же время крупная сизая сороконожка с разбегу ударилась о лоб, отпрыгнула от неожиданности, но тут же хищно бросилась вперед и всадила острые челюсти прямо в висок. По крошечным каналам полых зубов в ранку потекла жидкость. Потом сороконожка вонзала жвала в переносицу, щеку, лоб. И если бы он не потерял сознание раньше, то лишился бы его сейчас.

Он не видел, что от ближайшего муравейника спешат отряды голодных сороконожек, что над горизонтом поднялся край белого карлика и залил мир ослепительным светом. И не почувствовал прикосновения слизистых ветвей дерева-спрута...

Троль выключил рацию, в бешенстве вскочил на ноги. Его голубые глаза впились в широкое и неподвижное, как камень, лицо Макивчука.

– Бесплезно! Был бы цел, давно бы отозвался. Я не могу больше прослушивать пустоту, сложа руки!

– Что ты предлагаешь? – спросил Макивчук.

– Выйдем на поиски. Мог же он уцелеть?

– Как?

– Может, лежит где-нибудь с переломанными ногами. Ты же знаешь, он может и на ровном месте сломать шею. А эта грозная планета порядком потрепала нервы.

– А где искать? – спросил Макивчук.

Ян двинул плечами, заходил взад-вперед по тесной каюте. Да, он знает, что отыскать пропавшего товарища практически невозможно. К тому же их бард мертв. Только что закатился за горизонт белый карлик, второе солнце системы. Всего час светил над планетой, но этого достаточно, чтобы превратить человека в обугленный труп. Второго вертолета нет, планета покрыта лесами. Слишком много хищных зверей, совершенно непривычных и потому особенно опасных. Если обыкновенный кустарник прыгает из засады и рвет на куски сверхпрочный скафандр, а обыкновенный хомяк увлакивает в нору гусеницу вездехода, если из тучи падают железные кристаллы с острыми как бритва гранями, то такая планета относится к разряду опасных и на ней приходится применять особые меры осторожности.

– Но все-таки, – сказал Ян упрямо, – искать нужно!

– Есть разные формы мужества, – сказал Макивчук негромко. – Можно наплевать на многолетний труд ученых центральных звезд, отправиться сейчас в джунгли и красиво умереть. А можно, сцепив зубы, немедленно стартовать, чтобы гигантская информация не пропала, стала достоянием Земли. Второе, безусловно, сделать труднее.

Ян ринулся к иллюминатору, всмотрелся, потом разочарованно вернулся на середину каюты.

– Верю, – сказал он жестко, – но такое мужество здорово пахнет бесчеловечностью. И учти еще: дело не только в нашем товарище. Откажись мы сделать все возможное и невозможное для его спасения, значит, вычеркнем половину будущих подвигов, героических поступков, дерзких замыслов во всех мирах, населенных людьми! С легким сердцем иду в любой опасный рейд или рискованную экспедицию, потому что знаю: что бы ни случилось – меня будут искать, меня спасут или по крайней мере сделают все, чтобы спасти. А я не трус, Макивчук, и ты это знаешь! Вот какие последствия может вызвать твоя арифметика, капитан Звездного Флота!

Макивчук пожал могучими плечами, вылез из-за стола с аппаратурой.

– Это не моя арифметика, – сказал он. – Это... э-э... мысли вслух.

Ян распахнул дверцы шкафа, сорвал один из скафандров.

– Был бы ты помоложе, – сказал он с мрачной угрозой, – дал бы тебе за такие мысли вслух.

Макивчук неторопливо облачился в доспехи, пристегнул к поясу атомный пистолет и лишь тогда смерил сумрачным взглядом коричневых глаз атлетическую фигуру штурмана.

– Вернемся, – сказал он с угрозой в голосе, – посмотрим, выдержишься ли больше раунда.

Они пристегнули шлемы и вышли в коридор. Сильный и гибкий, как тигр, Троль прыгнул из овального люка прямо на землю, минуя трап, зато Макивчук не пропустил ни одной ступеньки. Они трещали и гнулись под тяжелым и могучим, как у медведя, телом.

Несколько минут шли по выжженной земле. При каждом шаге вздымалась туча сажи и пепла, пахло дымом, кое-где клубились синие струйки.

– Разделимся? – предложил Троль. – Вдвое больше шансов.

– На гибель? – спросил Макивчук. – Ладно. Я выбираю те скалы. А ты иди...

Троль предостерегающе поднял руку. Он настороженно прислушивался. Вскоре и Макивчук услышал ровный тяжелый гул.

– Единороги, – определил он. – Век не забуду. Вернемся, пусть пройдут.

– Может, промчатся стороной?

– Нет. Идут прямо на нас. В таких вещах я не ошибаюсь.

Они вернулись к кораблю, поднялись по трапу и сняли автоматы. Гул нарастал, вдали поднялось облако пыли, немного погодя рассмотрели лавину грозных могучих животных. Земля гудела под крепкими копытами. Стадо неслось ровным сильным галопом, комья земли взлетали высоко вверх, словно черные вороны.

И – это было страшно, неправдоподобно, – на переднем громадном черном единороге сидел, крепко вцепившись в густую шерсть, человек!

– Женька! – крикнул Ян страшным голосом.

Стадо неудержимо приближалось. Человек на единороге поднял руку и махнул неуверенно, тут же клюнул носом в спину и уцепился покрепче. Вожак и головная группа вылетели на выжженную при посадке землю, тяжелые копыта гулко загрохотали по ровной сухой земле.

– Пройдут рядом с кораблем, – прошептал Макивчук. – Будь наготове, но не стреляй без крайней необходимости. Может, он сумеет спрыгнуть и сам...

Ян кивнул. Он держал ствол на согнутой руке и внимательно следил за черным единорогом. Он видел, что свирепое животное постепенно перемещается на левый край лавины. Это было очень удобно: если Женька не сможет соскочить сам, можно помочь...

Грохочущая лавина понеслась мимо корабля. Космонавты на всякий случай поднялись на верхнюю ступеньку. Ян изготовился к стрельбе.

Черный единорог немного замедлил бег. Он был уже в нескольких метрах от корабля...

...И в это время необычайный всадник прыгнул. Не удержался на ногах и дважды перевернулся в пыли, а рядом били в землю широкие копыта.

Стадо пронеслось мимо, миновало круг выжженной почвы и с хрустом вломилось в сочные зеленые заросли тропического леса. Через минуту утих и грохот, словно возле корабля никогда не появлялось существа крупнее воробья.

Упавший сидел в пепле и яростно чесался. Две пары сильных рук подхватили его и поставили на землю.

– Женька!

Ян сдавил его в стальных объятиях.

– В корабль, в корабль, – заторопился Макивчук. – И чтобы ноги не было на этой чертовой планете! А там за чайком расскажешь, что и как.

Женька поднялся за капитаном по трапу, прошел в кают-компанию, устало повалился на диван, но тут же пересел на край и принялся чесать спину об угол.

– В жизни больше не сяду в вездеход, – сказал он решительно. – Хватит, на всю жизнь накатался. И сейчас еще голова кругом идет. Я ведь сначала пошел за ними пешком, а когда нечаянно попал в самую середину стада, влез на первого попавшегося, чтобы не быть раздавленным. Кстати, со мною рядом сидели какие-то местные вороны, спину ему клевали.

– Паразитов искали, – сказал Макивчук. – Симбиоз.

– Слушай, поэт, – сказал Ян, – что-то морда у тебя странная... Будто черти на ней горох молотили. Или воробьи клевали. И чешешься, будто шелудивый поросенок...

Женька что-то вспомнил, зябко повел плечами, побледнел, Макивчук заботливо налил стакан паленки.

Женька залпом выпил, а лишь потом сообразил, что это, и закашлялся.

– И еще вопрос, – сказал Ян медленно. – Расскажи, как ты ухитрился уцелеть под солнцем белого карлика? Давай-давай выкладывай. Помнишь, как ты подозревал во мне агента чужой цивилизации? Сейчас я отыграюсь.

– Вряд ли, – сказал Женька.

Лицо его стало медленно краснеть, глаза заблестели. Макивчук кивнул одобрительно и налил полстакана себе.

– Почему же? – спросил Ян.

– Потому что я впервые не копировал тебя, а поступил по-своему. И, представь себе, не жалею! Дерево укрыло меня от излучения, насекомые подстегнули регенерацию, и сломанная рука – да-да, сломанная – зажила в несколько часов, чудовищные звери в стаде, и ни один хищник не посмел приблизиться ко мне. Теперь я голым и босым пройду там, где вы не прорветесь и на вездеходе высшей защиты! Не знаю, как это по-вашему, по-ученому, – я не магистр экзобиологии, как Ян, – может быть, меня здесь приняли в экологический цикл или посчитали симбионтом, но мне это нравится. Ко мне отнеслись, как и я к ним! А что чешусь, пусть тебя не волнует. Не заразишься. Последствия ускоренной регенерации, пройдет.

Макивчук достал из шкафа три тонкостенных фужера из прозрачного стекла, бережно разлил паленку.

– Нацеплял ты на меня собак, – сказал Ян с усмешкой. – Горячий из тебя выйдет поэт. А как это называется по-ученому, могу подсказать. Это...

– Как аукнется, так и откликнется! – перебил Макивчук, поднимая фужер.

У нас есть шанс...

Двигатели умолкли. Флагман боевого флота замер в окружении крейсеров. Из люков настороженно смотрели атомные пушки, готовые в любой момент выпалить сгустками антиматерии.

Разогретые до вишневого цвета дюзы сжимались, потрескивали, издавали скрежещущие звуки. Телезонды показали, что все города на планете мертвые. На космодромах маячило несколько сот боевых кораблей, все с открытыми люками, заброшенные. Растительная жизнь уже где-то карабкалась по опорам.

Вездеходы, окутанные силовыми полями, выползали из всех крейсеров одновременно. Четко подчиняясь командам с флагмана, они заняли круговую оборону кораблей. Из транспортных люков выкатились бронетранспортеры. Десантники настороженно смотрели по стопам, сжимая в руках атомные пистолеты и автоматы. Стрелки прикинули к спаренным пушкам. Вот она, проклятая Земля!

Бронеход главнокомандующего армиями вторжения фемарга Зорга съезжал по пандусу и остановился в центре круга. Солдаты замерли, пожирая старого воина глазами. Этот ветеран сражений у звезды Кровавой застал еще легендарного Кванга и участвовал в знаменитом рейде через Белое Пятно, с которого начались победы над землянами!

Командующего сопровождал руководитель Центральной группы изучения противника Свит Ер. В прошлом крупный ученый, он после того, как все науки поставили на службу армии, ведал координацией вспомогательных комитетов.

Свит Ер с наслаждением вдохнул свежий воздух. Нет отравы, из-за которой в промышленных зонах ходят в масках, а детей с момента рождения помещают в кислородные камеры. Впрочем, с момента возникновения звездной войны вся его родная планета Вачан стала промышленной зоной.

Фемарг плюхнулся на сиденье рядом с ученым, кивнул командирам. Вся колонна, как единый механизм, сдвинулась с места.

- Прекрасная планета, – сказал он Свит Еру. – Энергичная жизнь! Не понимаю...
- В городе узнаем больше. Может, сохранились записи.
- Прибавить скорость! – велел Зорг.

Пока бронированные машины двигались к городу, он вспоминал ожесточенные сражения в космосе, что длились почти сто лет.

Некогда расширяющиеся границы звездных империй вачанов и землян соприкоснулись, наложившись друг на друга... На повестку дня был поставлен вопрос: кому быть властелином Галактики. Всю промышленность Вачана перевели на военные рельсы. Боевые космические корабли строились круглосуточно. Сводки с мест сражения стали единственной литературой.

Земляне были прирожденными воинами: сильными, жестокими, беспощадными. Вачане многому научились у них, и в этом был перст судьбы, что земляне, не в состоянии сломить противника в космических битвах, ударились в различные морально-этические искания и, как следствие этого, стали терпеть одно поражение за другим, пока в сражении подле звезды Кровавой их флот не был уничтожен почти полностью.

На подготовку вторжения на Землю понадобилось сорок лет. Был создан самый могучий флот за всю историю Вачана. Они пересекли границу в космосе и прошли дальше, не встречая сопротивления... Но где земляне? Где те закаленные солдаты, яростные и неустрашимые воители с их стремлением к боевой славе?

Бронетранспортер загрохотал по твердому покрытию. По обе стороны дороги потянулись высокие дома.

– Даже жаль, – сказал Зорг внезапно, – что их постигла какая-то катастрофа! Противники были достойные... Девяносто лет работали из-за них на пределе. Именно война с Землей привела нас к могуществу. За эти годы мы прошли путь, на который в мирное время понадобилось бы намного больше... Тысячелетия!

Свит Ер хотел возразить, но доводов не отыскал. Действительно, работали с полной отдачей сил. Заводы работали круглые сутки, а отпуска, выходные и льготные дни были ликвидированы. Литераторы и художники, которых и так было немного, все поголовно работали чернорабочими на военных заводах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.